

Михаил Геннадьевич Делягин
Путь России. Новая опричнина, или
Почему не нужно «валить из Рашки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605125

Путь России : Новая опричнина, или Почему не нужно «валить из Рашки» / Делягин Михаил.:

Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48086-9

Аннотация

Эта книга – разговор об острейших моментах российской жизни. Это выраженная словами автора позиция молчаливого или пока молчащего большинства, выстоявшего в катастрофах 90-х и в мнимом «процветании» 2000-х. Россияне хотят нормально и честно жить в нормальной и честной стране, готовы мириться с чужими ошибками – если станет понятно, как и кем они устраняются. Страна велика и разрушена, но в ней нужно строить нормальную, достойную жизнь для нас и наших детей. Чтобы Россия менялась к лучшему, нужно, наконец, превратиться из «населения» в народ, надо осознать свою правоту и предельно четко ее сформулировать. Только так, по мнению автора, из «России отчаявшейся» родится «Россия благословенная».

Книга для всех, кому не безразлична судьба нашей страны.

Содержание

Предисловие	4
Часть 1	9
День народного единства: почему, кого и с кем?	9
Почему случился Великий Октябрь и зачем его хотят забыть	17
Ленин: победитель	27
Великий прагматик	27
Российская политика – упряжка из двух зайцев	29
Формальная демократия или жизнь? – трагедия выбора	30
Зачем нам память о Сталине	32
Помни войну!	36
День Победы: в истории и в ее подтасовках	48
ГКЧП: что это было и зачем	65
Расстрел Белого дома: конец демократии	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Геннадьевич Десягин

Путь России: Новая опричнина, или Почему не нужно «валить из Рашки»

Предисловие

Мы – народ!

Сегодняшнее поколение граждан России выстояло в катастрофах девяностых и в мнимом «процветании» двухтысячных. Все, чего мы хотим, – это нормально и честно жить в нормальной и честной стране.

Мы не хотим никого ненавидеть: мы устали от ненависти. Мы не хотим мстить. Мы готовы даже мириться с чужими ошибками – если понимаем, как и кем они устраняются.

Земля наша велика и разрушена. Нам нужно одно: строить себе и своим детям нормальную достойную жизнь.

Но поодиночке это невозможно.

Все зависящее от нас мы сделаем сами. Все необходимое, чего мы сделать не можем, должно взять на себя государство. За это мы платим налоги, за это мы терпим его неизбежные косность и неэффективность, и мы не должны позволять ему грабить нас.

Мы хотим быть честными – в том числе и с государством. Но и оно должно выполнять свои обязанности, служить, а не вредить нам и не смеять посягать на наше чувство собственного достоинства.

Общество не может развиваться без нормального государства: это его мозг и руки.

Мы конструктивны. Мы больше не можем от разрушений и деградации, мы счастливы строить, но устали бессмысленно терпеть и снесем все преграды, отделяющие нас от достойной жизни.

Мы прошли долгий и тяжелый путь, и нас ничто не остановит сегодня, когда нашему общему процветанию мешает только несовершенство государства, нежелание и неумение его правителей служить России, а не своему гонору и карману.

Мы не приемлем чрезмерной идеологизации, которая лишь прикрывает глупость или циничный обман. России нужны не очередные «-измы» и «-ции», а обычный здравый смысл. **Слабый человек плывет по течению, сильный – против, и лишь умный – туда, куда ему нужно.** Будем умными: объединим социальные, патриотические и демократические ценности так, как это нужно нашей стране, нашему народу.

Навязанный России режим политической монополии должен быть цивилизованно демонтирован. Ведь доведение страны до социальных потрясений – величайшее преступление любой власти.

В России нарастает и уже становится непреодолимым разрыв между властью и обществом, между уровнем и условиями жизни богатых людей и большинства народа, между потребностями людей в повышении своего социального статуса и невозможность реализовать их. Главная задача страны – преодоление этой нетерпимой и позорной ситуации. Ведь только честный и открытый союз власти и общества позволяет достичь благополучия народа и процветания государства.

Слово «нация» замарано даже больше, чем слово «россиянин», но других слов нет. Россия должна стать государством единой нации, объединяющей образующие ее народы не только единой территорией, великой и всеобъемлющей русской культурой, русским языком и образом жизни, но и единой целью и методами ее достижения.

Эта цель проста: построение здорового государства и созидание с его помощью великой и не зависящей от внешних обстоятельств страны, которая обеспечит своим гражданам возможность успешно строить свою жизнь, созидать свое благосостояние и обеспечивать духовный рост.

«Крепость Россия» – неимоверная, несусветная глупость: Россия не крепость, но океан, океан сердца, далеко вырывающийся за любые прочерченные по картам границы.

Хватит быть побежденными.

На наши плечи ложится возрождение российской цивилизации на новой, современной основе, возвращение на лидирующие позиции в мире.

Только так можем мы искупить **чудовищный грех уничтожения своими руками своей страны**, пусть и неидеальной, – Советского Союза, своего общества **и самих себя как народа**. Путь искупления – разумный экономический национализм, технологический социализм, новая индустриализация и созидание существующего не на словах, а на деле инновационного общества.

Решение этой задачи требует политического воплощения воли народа России – естественного носителя социальных, патриотических и демократических ценностей в их неразрывном единстве, то есть, по сути, реализации простого здравого смысла.

Но всякая созидательная деятельность блокируется почти тотальной коррупцией власти, ставшей главной угрозой национальной безопасности и самому существованию России.

Поэтому наш непосредственный враг – коррупция. Ее искоренение – условие выживания самой российской цивилизации, первый порог, который предстоит перешагнуть на пути к обществу солидарности, свободы и прогресса, справедливости, порядка и демократии, – эти понятия, если не извращать их, не отрицают, а напротив, подразумевают друг друга. Наша страна должна быть гибкой, стремительно развивающейся, открытой всему позитивному. В ней каждый нормальный человек сможет найти дело и место по душе. Ее государство будет служить народу, а не наоборот.

Но делать это – своими руками – придется нам.

Никого больше просто нет.

* * *

Россия запуталась в мириадах мелких проблем, не поддающихся решению, пока их будут продолжать рассматривать в отдельности друг от друга.

Перестав видеть за деревьями лес, мы теряем историческую перспективу.

Развитие общества пошло по неправильному пути. Все более острые проблемы откладываются в долгий ящик и грозят уже самому существованию нашей страны. Государство выродилось в кучки философствующих бездельников и агрессивных коррупционеров. Тщетность осознания этого разрушает нас не меньше, чем нарастающие трудности.

Наша беда – утрата понимания главных, ключевых направлений развития и, соответственно, главных проблем, мешающих нам двигаться вперед.

Это не только постоянно ощущаемые неудобства, не только острые вопросы текущей политики – это фундаментальные проблемы самосознания, самоидентификации общества, связанные, прежде всего, с осмыслением своей истории.

Ведь ни одну значимую проблему нельзя решить без осознания собственной общности и значимости, а для этого **надо** сначала **восстановить разрушенную либеральными реформаторами идентичность нашего народа**.

Работу в этом направлении, начатую многими российскими практиками и философами, продолжает предлагаемая читателю книга.

Как когда-то не стало «ни эллина, ни иудея», так в наше время и в нашей стране уже довольно давно, как это ни парадоксально, нет ни «левых», ни «правых», ни «патриотов», ни «общечеловеков», ни «консерваторов», ни «радикалов».

Все эти ярлыки, которые с детской добросовестностью и непосредственностью наклеивают друг на друга взрослые, казалось бы, люди, – логический мусор, шелуха, палая листва, занесенная ветром истории из прошлого как минимум пятнадцатилетней давности.

Буквально все – от высокопоставленного коррупционера до бомжа – прониклись синтезом идеологий начала девяностых. Наше подсознание – и на индивидуальном, и на общественном уровне – давным-давно сплавило воедино социальные, патриотические и демократические ценности в **единый «образ правды», образ желаемого будущего.**

Этот образ смертельно пугает правящую клептократию своей полной несовместимостью не просто с ее всевластием и доминированием, но и с самим ее существованием как значимого социального слоя.

Поэтому внутривнутриполитические усилия недобросовестной части государства сконцентрированы на искусственном разделении активной части общества по давно утратившим связь с реальной жизнью идеологическим клише. Правящая клептократия знает: стоит обществу вербализовать стихийно осуществленный синтез ценностей и воплотить его в конкретных политических практиках и институтах, – Россия возродится, а с великим тщанием выстроенная по кабинету и по человечку система ее обмана и беспощадного ограбления разветится по ветру, оставив своих участников наедине с разгневанным народом.

И сегодня наше общество делится не по идеологическим или даже имущественным критериям, не по отношению к коррупции или призывам к насилию.

Сегодня люди делятся на тех, кто хочет, чтобы их дети жили в России, и на тех, кто – не хочет.

Связывающие жизнь своих детей с Россией уже поэтому стараются приносить ей благо. Желаящие им комфортного прозябания в фешенебельной стране – что по-человечески понятно – рассматривают Россию как трофейное пространство, от которого надо оторвать и вывезти в безопасное место кусок личного благосостояния.

Первые созидают Россию, вторые уничтожают.

Первые считают созданную бесчеловечную систему переработки населения России в швейцарские замки и супер-яхты абсолютно неприемлемой.

Вторые – плоть от плоти, кровь от крови этой чудовищной системы – считают ее единственно нормальной, правильной и справедливой и будут до последней возможности оборонять ее от российского народа и исторической справедливости.

Задача, которая стоит перед российской интеллигенцией, – всемерная помощь первой, здоровой и преобладающей части нашего общества: тем, кто будет готов, даже являясь сегодня частью сложившейся порочной системы тотальной коррупции, менять ее на нормальную, рациональную систему развития.

В сфере собственно интеллектуальной деятельности остро необходимо рассмотрение всей российской действительности, всего комплекса наших проблем через призму выработанного нашим народом «образа правды»: только так можно найти их решения, популяризация которых и представляется до начала системного кризиса единственно рациональным образом политического действия.

Книга, которую вы держите в руках, – часть этой работы, продолжение нормального повседневного человеческого разговора о наиболее острых моментах российской жизни. Позицию «молчаливого большинства» пора выразить словами: ведь для того, чтобы овладеть историей, превратиться из «населения» в народ, надо прежде всего осознать свою правоту и кристально четко сформулировать ее.

Только так из России отчаявшейся родится Россия благословенная.

* * *

Логика книги основана на последовательном изложении наиболее значимых и вместе с тем вызывающих споры аспектов жизни современного российского общества. Каждая часть завершается приложением, рассматривающим раскрытые в ее основной части вопросы под специфическим, отличающимся от предшествующих разделов углом зрения и обеспечивающим за счет этого более комплексное, многостороннее восприятие темы.

Первая часть посвящена ключевым для самоощущения современного российского общества моментам его истории: «новому празднику» 4 ноября, «старому празднику» Великой Октябрьской социалистической революции, 22 июня, Дню Победы, трагическому фарсу ГКЧП и расстрелу Белого дома 4 октября 1993 года. В силу особой исторической значимости в соответствующем хронологическом порядке даны оценки исторической деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина. В приложении дается попытка исторической реконструкции возможного развития нашей страны в случае отказа от неадекватной части политики Горбачева и реализации принципов обычного здравого смысла (реализуемых на практике в Китае). Данный раздел вынесен в приложение, так как описывает не реально случившуюся, а лишь гипотетически возможную историю нашей страны.

Вторая часть книги рассматривает внешние обстоятельства и условия развития России – начиная с глобального кризиса, беспомощности «большой двадцатки» и усилиями по присоединению нашей страны к ВТО и заканчивая изменением ряда ключевых норм, еще недавно казавшихся незыблемыми. Это исчерпание возможностей европейской интеграции, кризис демократии и превращение терроризма в новый инструмент управления. Завершается часть локальными сюжетами, имеющими принципиальное значение для нашей страны: угрозой нападения США и Израиля на Иран, глобальной ролью и стратегическими перспективами Китая, особенностями развития Казахстана. Личностно написанное приложение посвящено локальному сюжету, как в капле воды отразившему современные достижения и глубинные проблемы России, – ее успешному участию во Всемирном выставке 2010 года в Шанхае.

Третья часть книги посвящена реакции российской бюрократии, в своей активной части состоящей преимущественно из либеральных фундаменталистов, на глобальный кризис. Рассмотрены как вызвавшие наиболее острую реакцию общества направления либеральных преобразований и их последствия (реформа бюджетных организаций, преобразование милиции в полицию), так и практические действия либеральных реформаторов. Среди последних создание предпосылок для катастроф, подобной катастрофе на шахте «Распадская», изменение политики Сбербанка, реакция на засуху и лесные пожары лета 2010 года, принятие бюджета на 2011 год и на период 2012–2013 годов, отношение к иностранным инвестициям. Приложение к третьей части характеризует особенности современного либерального сознания в России, во многом объясняющие специфику проведения либеральных реформ.

Четвертая часть книги посвящена предпосылкам и возможным направлениям возрождения России даже в описанных, крайне негативных обстоятельствах: появлению качественно нового, активного сегмента общества и преобразованиям, в первую очередь необходимым для оздоровления государства и страны в целом. Приложение реконструирует не до конца осознаваемую мотивацию значительной части россиян, не приемлющих неадекватную часть правящей бюрократии, сознающей свою беспомощность перед ее лицом и тем не менее не покидающей Родину в надежде на победу здравого смысла. Именно этой части образованного слоя России и предстоит непосредственно осуществлять оздоровление страны в условиях системного кризиса.

Заключение книги описывает идеологический синтез, стихийно осуществленный российским обществом, нуждающийся в политическом выражении и порождающий надежды на нормализацию развития нашей страны. Намеренно контрастное приложение к заключению представляет собой практическую инструкцию по продвижению этого синтеза в общественное сознание, учитывающую реалии современной политической жизни России.

Часть 1

Уроки истории справедливы

День народного единства: почему, кого и с кем?

4 ноября – самый загадочный праздник в году. Большинство россиян не может вспомнить его правильного названия.

Бывший праздник Великого Октября, в 1996 году (не без черного юмора) переименованный в День примирения и согласия, теперь официально положено именовать «Днем проведения на Красной Площади в Москве парада в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции».

Изумительный выверт сознания: текущую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции или, как ее звали первые 10 лет, Октябрьского переворота, праздновать нельзя, а вот очередную годовщину ее **24-й годовщины** не просто разрешено, а даже нужно!

16 декабря 2004 года Госдума РФ молниеносно, практически без обсуждения (правда, после провозглашения принципа «парламент – не место для дискуссий» обсуждения, если и случаются, носят все более формальный характер) приняла поправки в Федеральный закон о днях воинской славы. Одной из поправок было введение нового праздника – Дня народного единства – и перенесение государственного выходного дня с 7 ноября на 4-е. Основной причиной переноса стало желание полностью снять ассоциации с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции 25 октября (7 ноября) 1917 года. Обращает внимание пояснительная записка к этому законопроекту, в которой отмечается: «4 ноября 1612 года воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплоченности вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе».

Идея в принципе хорошая – как обычно у российской бюрократии, все портят только замысел ее реализации и практическое исполнение.

Если обращаться к историкам, то выяснится, что драматических, серьезных событий как раз 4 ноября и не происходило. Главным московским укреплением был Кремль, а Китай-город представлял собой лишь передовую линию крепостной обороны.

Фактическая капитуляция гарнизона произошла, по новому стилю, 5 ноября, а окончательная сдача поляков и подписание формальной капитуляции, после которой польские знамена были сброшены в кремлевскую грязь, – 7 ноября.

То есть если бы наши уважаемые руководители хотели просто праздновать, закрепляя в общественном сознании те ценности, о которых написано в пояснительной записке, они должны были бы либо сохранить праздник 7 ноября, либо перенести его на два дня – на 5-е.

Но они, насколько свидетельствуют их действия, совсем не хотят праздновать. Их цель в ином – вычеркнуть, вытеснить, выдать из памяти общества память о советском периоде его жизни.

Принципиально важно, что они вычеркивают эту память отнюдь не из ненависти к советскому периоду как таковому – сами они почти все бывшие коммунисты, хотя и не вступавшие в партию с произнесением всех положенных обязательств и заклинаний чуть не накануне XIX партконференции, как А. А. Собчак.

Причина попытки вычеркнуть советский период из исторической памяти народа намного проще: сами они, сама эта часть наших нынешних руководителей, являются настолько ничтожными, насколько бездельными, а иногда и порочными, что практически любая память о Советском Союзе, при всех его недостатках, является для них смертельным обвинением, на которое просто нечего возразить.

Подчеркну: Советский Союз отнюдь не был идеальным: будь он таковым, мы бы и сейчас в нем жили.

Формально он действительно был уничтожен активным внешним воздействием, но ведь такое воздействие имеет место практически всегда. То, что оно вдруг оказалось смертельным, – следствие его собственных недостатков, и с этой точки зрения утверждение, что он развалился под грузом собственных проблем, является правильным.

Основная проблема нашей страны, о которой почему-то умалчивают даже самые лютые ее ненавистники, даже самые ярые антисоветчики, заключается в массовом принуждении людей к предательству. Обычных, нормальных людей, совершенно не идеологизированных, не желающих заниматься политикой, в массовом порядке принуждали к предательству своих близких, своего прошлого, своей веры, своих убеждений и представлений.

Пусть даже и в душе.

Именно в этом глубинная, фундаментальная причина того почти всеобщего отторжения и отвержения, под бременем которого и распался Советский Союз.

Однако на фоне всех недостатков СССР нынешнее государство, нынешнее руководство выглядит скопищем бездельников, говорунов, пиарщиков, иногда просто глубоко и безнадежно порочных людей. И вероятно, именно поэтому многие из них прилагают колоссальные усилия, чтобы уничтожить, стереть, вымарать из памяти любое позитивное воспоминание о Советском Союзе.

Это даже не глупость – это просто недобросовестная конкуренция, исторически обреченная, как и всякая недобросовестная конкуренция.

Так и хочется спросить: ребята, а вы работать не пробовали? Ну завидно вам, ну чувствуете вы себя ничтожествами в тени советской цивилизации – так не будьте ничтожествами! Проведите модернизацию страны, если вы действительно считаете ее своей!

Вам не нравится, что лучшая категория домов в Москве до сих пор заслуженно носит название «сталинка»? Ну так постройте «медведевки» или «путинки» – в чем проблема?

Но у нас «путинка» – не более чем водка...

Есть много людей, которые не приемлют 7 ноября, но есть и много тех, которые по нему скучают. Однако в любом случае праздник 4 ноября большинство наших сограждан, насколько можно судить, просто не понимают. Потому что изгнание поляков из Кремля в XVII веке можно отмечать в любой день или не отмечать вовсе: это событие, в общем и целом, давно утратило актуальность.

Если действительно хотели бы мягко, не травмируя людей, перейти от одного праздника к другому, – поступили бы так же, как когда-то православная церковь с Масленицей, вобрав этот, по сути дела, языческий праздник в новый строй жизни. Народ остался доволен.

Но вся беда в том, что, насколько можно судить, нашим руководителям надо не плавно заменить одно другим, а именно сломать народ через колено, демонстративно самоутверждаясь таким образом. Похоже, они больны какой-то мистической, иррациональной ненавистью к самой дате 7 ноября. Ненавидя Советский Союз, либеральные фундаменталисты остаются глубоко советскими людьми в худшем смысле слова – подлинными «совками»... в костюмчиках за 5 тыс. евро и с собственными замками в Австриях и Швейцариях.

Правда, у защитников идеи празднования Дня народного единства есть аргумент: они ссылаются на то, что еще в 1649 году указом царя Алексея Михайловича день Казанской

иконы Божией Матери, 22 октября, по старому стилю, был объявлен государственным праздником.

И действительно, 600 лет назад единство российского общества было обеспечено за счет православной церкви, и в XVII веке эта технология вполне сохраняла свою актуальность и эффективность. Это святая (в том числе и в прямом смысле слова) правда. Но вот вопрос: мы что, действительно собираемся вернуться на 600 или хотя бы на 360 лет назад? Что, именно в этом и заключается суть предлагаемой нам «модернизации» – в возвращении в прошлое более чем на полтысячи лет?

Наши руководители, среди которых, насколько можно понять, помимо православных есть и мусульмане, и представители иных религий, предлагают нам забыть обо всех этих представителях? И заодно, кстати, и об атеистах?

Да, конечно, если считать православных по национальному признаку или по факту принадлежности к русской культуре – у нас их большинство и наша страна является монорелигиозной точно так же, как мононациональной (*напомню*, что, по международным нормам, мононациональной является страна, более 80 % населения которой принадлежат к одному народу; в России доля русских *составляет 84 %*).

Но если оценивать принадлежность людей к религии по активному исполнению требуемых этой религией обрядов, то здесь ситуация постыдна. Почему так, в чем причина того, что православные по культуре люди инстинктивно стремятся иметь поменьше общего с православной церковью, а то и отходят от нее – это вопрос интересный, но заслуживающий отдельного обсуждения. Пока же зафиксируем: безусловно, различные религии конкурируют друг с другом, а атеизм конкурирует со всеми ними. Но государству от этой конкуренции лучше держаться подальше: целее будет.

Попытка вернуться на 600 лет назад и восстановить национальное единство на основе религии, пусть даже православной, кончится плохо.

* * *

Сказанное выше о Советском Союзе в полной мере относится и к царской России. Она рухнула под своей собственной тяжестью, и защищать ее оказалось некому.

Даже генералитет выступил против царя, так как его управление было откровенно некомпетентным и разрушительным.

После Февральской революции Временное правительство, по сути дела, уничтожило армию – разумеется, из лучших демократических побуждений. Огромная часть убийств среди офицерского состава была прямо спровоцирована Временным правительством.

Это ужасно.

Большевики сознательно восстанавливали армию – после того, как Временное правительство бессознательно ее разваливало. И офицерство видело это очень хорошо – и огромная его часть поддержала большевиков.

Не потому, что они были за социальную справедливость. Как говорил В. И. Ленин, каждый придет к коммунизму своим собственным путем. Офицеры видели, что управлять так, как при царе, нельзя, и так, как при Временном правительстве, тоже. И вот пришли люди, офицерам абсолютно чуждые, непонятные, даже враждебные, но они пытаются восстановить Россию для народа, которому привыкли служить офицеры, и по-честному восстанавливают армию. Поэтому большинство офицеров перешло к большевикам вопреки своим интересам. Это было самопожертвование в чистом виде.

Даже из Генерального штаба сторону большевиков приняло 55 % офицеров. Не потому, что предали свою Родину, а потому, что видели: при всех пороках большевиков, при всех троцких, латышских стрелках, чрезвычайках, – Россия стоит с их стороны баррикад. А со

стороны белых – да, прекрасные, культурные, милые люди, но там не Россия – там непонятно что.

Среди прочего большевикам до сих пор ставят в вину разгон Учредительного собрания.

А ведь это ярчайший пример того, как недемократическое действие в критической исторической ситуации может быть абсолютно правильным.

Царский режим довел людей до такого отчаяния, что депутаты Учредительного собрания, насколько можно судить по историческим материалам, не могли противостоять четкому наказу избирателей – разделить, разрушить страну.

Эти депутаты действительно выбирались демократически – примерно так же, как у нас демократически выбирались последние Верховные Советы СССР и РСФСР, которые даже не боролись с развалом страны...

Наказ избирателей выделить из России части, в которых они проживали, и обеспечить независимость тех или иных территорий шел не только от национальных окраин, но даже от Сибири – я уж не говорю про Дальний Восток. Если бы это Учредительное собрание начало по-настоящему работать, России сегодня бы не существовало.

Естественно, большевики разогнали его депутатов совершенно не поэтому, а прежде всего потому, что Учредительное собрание было формально более легитимной и при этом абсолютно чуждой им властью: там они были в меньшинстве. Но за время, прошедшее между выборами в Учредительное собрание и началом его работы, страна стала другой, и Учредительное собрание превратилось в историческую тень. Поэтому его разгон прошел практически незамеченным: за него почти не сражались.

Учредительное собрание – классический пример того, что демократия требует процедур, процедуры требуют времени, а в условиях стремительных революционных изменений порой оказывается: демократические процедуры конституируют вчерашнюю власть, которая сегодня уже неадекватна и мало кого представляет – просто потому, что избиратели изменили свой взгляд на вещи. И в результате самое логичное, что можно сделать с такой вчерашней, хотя и безупречно демократической властью, – просто от нее избавиться.

Справка

Трагедия белых: без образа будущего победить нельзя

Рассмотрим теперь тех офицеров, кто не пошел к большевикам и чуть позже организовал героическое белое движение.

В конце концов, того же адмирала А. В. Колчака.

В первую очередь это великий полярный исследователь. Он много раз был в США, откуда вернулся в Россию, потому что его позвали коллеги. А дальше он проявил полководческий талант.

Но никакой политической программы у него не имелось. А когда у вас нет идеологии, вы либо неэффективны, либо избыточно жестоки. И Колчака сейчас в Сибири вспоминают примерно как Гитлера в Белоруссии: до сих пор слово «колчаковец» – тяжелейшее, серьезнейшее оскорбление. Потому что колчаковский террор был чудовищным, и именно он обеспечил поддержку советской власти Сибирью. Большевиков не любили, но по сравнению с Колчаком они были заведомо меньшим злом.

При этом у Колчака была возможность почти гарантированной победы. В 1919 году Маннергейм, возглавивший Финляндию, которая боролась за независимость, предложил ему свою помощь – пожалуйста, вот мощная и воодушевленная обретением независимости финская армия, пойдем на Петроград, сметем большевиков, – а вы нам потом официально оставьте независимость. Существенно, что в тот момент она уже была получена – и

де-факто, и де-юре, – но из рук Ленина, что полковнику царского Генштаба Маннергейму совершенно не нравилось.

А Колчак отказался.

Этот отказ неслучаен: **он представляется** еще одним проявлением того, что за белых стояли вчерашние люди, мыслящие прошлым, **а не будущим**, не понимающие не только еще только свершающихся, но и уже свершившихся в России и ставших необратимыми изменений.

Сопротивляться этим глубинным, фундаментальным процессам можно было, опираясь только на национализм – других стратегических путей просто не существовало. Это вполне подтверждает судьба гетмана Скоропадского – ему, генерал-адъютанту Николая Второго, истовому патриоту России, пришлось стать украинским националистом, потому что ему просто больше не на кого было опереться в борьбе против большевиков.

Надо сказать, что русские офицеры, эмигрировав, создали – или качественно укрепили – государственность во многих странах мира, не только в Финляндии.

Заслуга Маннергейма, за которую его чтят в Финляндии прежде всего, в том, что он сделал очень много именно для самосознания финского народа, поэтому его и чтят там. И он был достаточно лоялен, насколько это было возможно, по отношению к России, даже и к советской. Ведь во время блокады Ленинграда финны, естественно, попытались его взять. Но, получив один раз по зубам, просто заняли ту территорию, которую считали своей, и дальше шли крайне неохотно.

Логика понятна: с налета взять не удалось, а тратить жизни финских солдат на то, что мы сами не считаем своим, – неправильно.

Это не дружба, не партнерство, не сотрудничество, но это некоторые внутренние правила, которые очень сильно помогли нам.

А вот Колчак этих внутренних правил не понимал. Он долго находился за границей и не видел, что вернулся в другую страну. Он не видел предательства позднего царизма. Распутинщина, которая была чудовищным шоком для общества (хотя сам Распутин, может, являлся и прогрессивным общественным деятелем), прошла мимо него. То, что царский режим сгнил, Колчак, как и многие другие офицеры, просто не успели осознать. В этом их трагедия.

И нам нужно извлекать из этого уроки, потому что тот, кто забывает свою историю, обречен на ее повторение, и, к сожалению, отнюдь не в виде фарса.

Так вот, возвращаясь к царизму: то, что сделали большевики, при всех своих зверствах, неудачах и порочности, за первые же полвека своего правления, вполне сопоставимо со сделанным царским режимом, по крайней мере династией Романовых, за триста лет. И это несоизмеримо больше, чем сделали люди, «пашущие на галерах» и «отливающие в граните», за 20 лет своего руководства страной, если вести отсчет с Ельцина.

* * *

Сама по себе идея народного единства прекрасна и актуальна: здесь даже обсуждать нечего. Можно только восторгаться тактической гениальностью Березовского, на ходу «перекрестившего» спешно, буквально на коленке создававшийся под его кураторством

в кризисе второй половины 1999 года избирательный блок «Мужики!» в партию «Единство» (ныне известную как «Единая Россия»).

Безусловно, я за единство: мы все принадлежим к одному, общему народу, одной, общей цивилизации. И каждый из нас – неотъемлемая часть этого народа и этой цивилизации. «Без меня народ неполный», по словам А. П. Платонова.

Но, с другой стороны, когда-то еще Евтушенко писал: «Но подлецу, кастрату не то, что как-то «не хочу» – я не могу быть братом!» Просто не выходит.

Когда приходится читать про массовые преступления – вплоть до убийств, – массово же покрываемые нашей якобы правоохранительной системой...

Когда приходится слышать разъяснения, пусть даже и в частных разговорах, что «это быдло должно работать 12 часов в сутки и не иметь никакой социальной защищенности, потому что оно быдло, а бизнес превыше всего», – вспоминается другое «превыше всего»: «Uber alles», как фашисты говорили...

Да, конечно, проект, выдвинутый было руководителями Российского союза промышленников и предпринимателей, официально был оформлен другими словами, а когда олигархи столкнулись с общественным негодованием, они сразу же сдали назад и объяснили, что их неправильно поняли, но суть дела от этого не меняется.

Какое единство может быть у нормального члена общества с людьми, которые систематически и последовательно ведут себя антиобщественно? Пусть даже они и поставили себя во главе общества при помощи сложных, непрозрачных и, вероятно, фальсифицированных процедур?

Сначала нужно их привести в норму, в чувство, встряхнуть по– хорошему или просто заменить – так, похоже, и дешевле выйдет, и проще...

Ответственное и разумное руководство государства спокойно решит эту задачу за полгода – другое дело, что пока взяться ему просто неоткуда.

Но когда оно будет создано – все поймут за эти полгода, что не надо выступать против российского общества, против народа. Поймут, что мы все являемся его частью. И олигархи, которые пока ведут себя не всегда культурно, побегут впереди процесса нормализации, по-есенински задрав штаны. И деятели, у которых головы кружатся от упоения своим величием, начнут следить за тем, что они говорят и в какой аудитории.

И это произойдет, что очень важно, без насилия – просто в силу примера. Ведь современное российское общество устроено очень забавно: у нас слабые традиции, слабая правовая культура, смешная – в прямом смысле слова до ужаса – судебная система. И либеральные реформы только усугубляют ситуацию.

В результате для общества именно государство – причем не его слова, но его поведение – является главным источником норм и правил. Государство выступает в роли командира танковой роты в эпоху, когда на танках еще не было раций и командир осуществлял руководство по принципу «делай, как я».

Сейчас государство в силу своего разложения далеко не всегда вообще понимает, что своим поведением невольно дает обществу команды и подает ему пример.

А общество воспринимает эти сигналы «всей кожей» и прекрасно их понимает. Среди плохих пиарщиков и либералов его модно обижать – определенной категории деятелей всегда мешает народ, – но наши люди по-прежнему если и не самые умные, то самые мудрые в мире. Вот пропаганду мы действительно не понимаем и с каждым годом воспринимаем все хуже, – а зачем ее понимать? Она что, имеет отношение к жизни?

Зато поведение государства россияне понимают очень хорошо. Как только отморозки с мигалками начинают тупо, цинично и массово нарушать правила дорожного движения, люди идут в ближайшую мастерскую, покупают мигалку и ставят ее на крышу своей машины. Кто-то – чтобы тоже безнаказанно нарушать правила дорожного движения, а кто-то – чтобы обезопасить себя от разного рода безумцев.

Один из моих знакомых лет восемь назад вырезал из фольги из-под шоколада какой-то безумный, совершенно фантазмагорический пропуск в Кремль. В Кремль он по нему, конечно, не порывался, но по городу ездил примерно год – пока не попал в очередную облаву. Но когда поймавшие его осознали, что этот навороченный спецталон не просто скопирован, а вообще выдуман от начала до конца, что таких форм не бывает в принципе, а сделан он из фольги и обертки от шоколада «Гвардейский», – они были настолько потрясены, что моего приятеля просто отпустили.

При желании оформить его можно было по-всякому. Но у задержавших был такой шок, что они даже сфотографировались с ним и с этим якобы спецталоном.

Кстати, тоже ведь пример народного единства.

Правда, в целом народного единства в нашей жизни, увы, нет. Народное единство – всеобщая мечта, которая в исполнении нынешней власти превратилась в абсолютную профанацию. Нельзя сказать даже, что это подмена реальности чем-то желаемым: политика государства внятно свидетельствует, что оно совершенно не хочет никакого единства.

Народное единство было при советской власти. А до и после – не было.

И много чего еще не было: мы живем сейчас в технологической и социальной среде, созданной при советской власти, а все, что сделано после нее, – это Интернет и свободная торговля. Вы ездите на метро, живете в квартирах, ходите по улицам, включаете лампочку Ильича...

Так вот, если кто хочет отречься от своего прошлого, от труда и усилий своих прадедов, дедов и родителей – берите лучину, выкиньте на помойку холодильник, да и уют заодно, и сидите в избе, обогревая ее хотите печкой, а хотите – ноутбуком, подключенным к широкополосному Интернету.

Кстати, царя расстреляли не большевики. Из семи человек иркутской директории, принявшей решение об этом убийстве, их было один или двое. И на фоне террора, впоследствии развязанного в Сибири тем же Колчаком, это выглядело, увы, не таким уж и значимым эпизодом.

* * *

Почему обо всем этом приходится говорить?

Потому что гражданская война не окончена.

Потому что до сих пор «красные» и «белые», легко поддаваясь на провокации, с восторгом сшибаются лбами, ослабляя наше и без того не слишком сильное общество.

И это не наследие прошлого.

Это – в чистом виде результат нынешней пропаганды: разрушение идентичности. Я совершенно не фанат 7 Ноября и готов даже праздновать 4 Ноября, хотя скептически к нему отношусь, но не из лояльности непонятно к чему, а потому, что нам действительно нужен праздник, который объединит страну.

Сегодня это только 9 Мая, День Победы. 22 июня – не праздник. Это очень тяжелый, очень страшный день. Крайне негативно относясь к «Идущим вместе» и прочим нацистам, я хорошо помню, что это именно они в 2001 году восстановили традицию возложения венков 22 июня к памятникам павшим в войне. Это сделали именно они – впервые за все постсоветское время, – и я всегда скажу им за это спасибо.

За нашим общим праздником должно стоять созидание, и он должен звать нас к созиданию, а так – хоть 200 лет русскому граненому стакану празднуйте! Но когда введенный государством праздник объективно способствует не созиданию и тем более не укреплению, а разрушению идентичности народа, – это неправильно.

Напомню, какие еще есть праздники; часть их можно скопировать у американцев. День труда, 1 Мая: ну придите к олигарху и скажите ему, что он бездельник. Обидится ведь: он считает, что он работает! – и это надо использовать.

День международной солидарности трудящихся – чем вам не нравится солидарность? Понимайте ее в широком плане. А есть и другие чудесные праздники: День матери, День отца, День влюбленных, в конце концов! в самом деле: совсем недавно его придумали – и кому он мешает? Шикарный праздник! Я тут заработался недавно на этот праздник и поздно пришел домой – у, что было...

Согласитесь, нелепица: день святого Патрика, по сути дела, день пива праздновать парадом по Новому Арбату, а 1 Мая и 7 Ноября считать неправильными днями.

Наша проблема в том, что мы – народ, контуженный своей историей.

Надо вылечить от этой контузии.

Нашей стране, нашему народу, нашему государству нужно научиться принимать свою собственную историю, жить с ней.

Мы ведь все принимаем свою семейную историю. В большинстве семей есть вещи, о которых неприятно говорить вслух, – как говорят англичане, «скелеты в шкафу». Что-то когда-то в чем-то было не так, и очень многие люди знают или понимают что-то не то про своих родителей. Но это не мешает им их любить. Как говорил один успешный человек: да, папа часто был нетрезв и даже иногда бил маму. Да и мама, как я теперь, став взрослым, понимаю, – объяснял этот человек, – иногда позволяла себе значительно больше свободы, чем может позволять себе полностью идеальная жена. Но это моя семья и это мои родители, это часть меня, и я их люблю и принимаю такими, какими они были.

Так вот: это наши родители, это наши предки. Они нашу страну сделали – ту страну, в которой мы все живем. Дай бог нам так сделать нашу страну, так поднять ее, с поправками на новое время и новые технологии, как поднимали ее якобы плохие большевики. Вот когда страна, которую создадим мы, окажется счастливее, могущественнее и значительней той, что создали они, – вот только тогда мы получим моральное право их осуждать. Но, думаю, к тому времени мы уже настолько повзрослеем, что у нас такого желания не появится.

А кратчайший путь к взрослению заключается в понимании и приятии причин ключевых как для нашей истории, так и для нашего самосознания поворотных пунктов, в первую очередь – причин Великой Октябрьской социалистической революции.

Почему случился Великий Октябрь и зачем его хотят забыть

Одна из трагедий, которые пришлось пережить мне уже во взрослом, сознательном возрасте, – осознание неизбежности революции 1917 года. Любая революция – чудовищный социальный катаклизм, страшная судорога, которой общество, если у него есть инстинкт самосохранения, избавляется от системы управления, ставшей несовместимой с его жизнью.

К сожалению, какие бы чудесные фильмы ни снимали сейчас о царском времени, царская система управления действительно была обречена.

Началось-то с Февральской революции, а та, в свою очередь, началась с бунтов женщин, которые стояли в безысходных очередях за хлебом и за мукой в завьюженном Петрограде. Им не давали ничего даже по карточкам, которые сейчас нам пытаются представить как изобретение «проклятых коммуняк».

В результате этих бунтов и, естественно, сопутствующих им заговоров, царизм и рухнул. А ведь чтобы довести общество до революции, до восстания, нужно очень здорово потрудиться. Абсолютное большинство людей нормально: никто на амбразуру ложиться не хочет, никто с ОМОНОм драться не жаждет, все хотят заниматься исключительно своей частной жизнью – и это правильно.

Только когда власть доводит общество до такого состояния, что людям уже некуда деваться, что они не имеют никаких возможностей существования, что они готовы умереть, но не жить под этими начальниками, – вот тогда происходит социальный катаклизм. Тогда происходит социальная революция, тогда, грубо говоря, возникают «приморские партизаны» и прочие сопутствующие им явления.

Принципиально важной особенностью является именно отношение управляющей системы с управляемыми. Источник легитимности – не «мировое сообщество», не «вашингтонский обком» и даже не «все прогрессивное человечество». У любого государства есть только один источник легитимности его власти: собственный народ, каким бы неразвитым и некультурным он ни казался его интеллектуальным представителям.

Поэтому, если вы управляете чудовищным для внешнего наблюдателя образом, но сам управляемый считает, что это нормально, – у вас все в порядке. Именно поэтому более двухсот лет просуществовало крепостное право на Руси, окончательно оформленное в 1649 году, при Алексее Михайловиче Тишайшем (между прочим, в других странах Европы оно тоже имело место, и часто в намного более жестоких формах). И пока российскому народу оно казалось нормой, оно вызывало протест лишь у ничтожно тонкого слоя образованных и при этом гуманистично настроенных людей.

Здесь стоит особо остановиться на личности Алексея Михайловича – невероятно интересного русского царя, сделавшего много для укрепления России и становления ее как великого государства. В части реформ – предшественник и Петра, и даже Екатерины. Чего стоят проведение переписи (по эффективности, похоже, превышающей переписи и 2002, и 2010 годов), создание целых полков «иноземного строя», Тайного приказа – прообраза КГБ, строительство первого полноценного русского военного корабля, нормативная защита российских купцов от иностранных конкурентов! Чего стоит и то, что Алексей Михайлович первым из русских царей нарушил традицию и стал подписывать документы собственноручно!

Он, хоть и заложил серьезные мины под будущее России, вроде церковного раскола, значительно больше подобных мин, которые мы уже прочно забыли, вынул из тогдашнего прошлого. Его роль в истории недооценена, а ведь это был, среди прочего, подлинный гений пиара, выражаясь современным языком.

Вдумайтесь только: при нем произошли вызванные его собственными не вполне адекватными действиями Соляной и Медный бунты, крестьянская война под предводительством Степана Разина, множество более мелких бунтов и волнений. При нем – и во многом в результате его собственного потакания Никону – произошел раскол церкви, ником которого стало Соловецкое восстание. С другой стороны, именно при нем Россия вернула себе Смоленск и Северскую землю, твердо стала в Сибири (в частности, были основаны Нерчинск и Иркутск), воссоединилась с Украиной – благодаря не только воле двух братских народов и наличию внешних опасностей для тогдашней Украины, но и титанической, до сих пор остающейся в тени работе российской дипломатии. Наконец, именно Алексей Михайлович, издав Соборное уложение 1649 года, окончательно закрепостил крестьянство.

И при таком насыщенном бурными событиями царствовании, причем событиями, в значительной степени вызванными им лично, этот царь сумел войти в историю под данным им современниками прозвищем «Тишайший»!

Крепостное право в России в целом было не изуверским. Напомню, что за свои исключительные зверства Салтычиха была после многолетнего следствия осуждена на смертную казнь, замененную пожизненным заключением, и умерла, просидев в яме 33 года.

Хотя существовали, например, и военные поселения Аракчеева, по сравнению с которыми ГУЛАГ отдыхает. Потому что в ГУЛАГе, по крайней мере, не заставляли вдобавок ко всему заниматься военной подготовкой, и люди имели надежду на освобождение, а в военных поселениях Аракчеева таких надежд не было.

Было много относительно не свободных, но почти свободных крестьян. Были огромные территории, где крепостного права так никогда и не было, так что потом там даже не смогли ввести колхозы, – например, в значительной части Сибири.

Все было по-разному: у нас вообще очень разная страна.

* * *

Октябрьскую революцию нельзя понять до конца без обстоятельств отмены крепостного права. Во время этой отмены главный вопрос заключался в том, что делать с помещиками – с тогдашним правящим классом.

В России успешное развитие всегда происходило по принципу, извините за выражение, опричнины: лидер и его окружение вступали в неформальный союз с народными массами, выражая их интересы и чаяния, против правящего класса. Так же, как Иван Грозный, поступали и Петр I, и И. В. Сталин, и многие другие, менее жестокие руководители.

При освобождении крестьян от этой модели отказались: царизм оперся на помещиков и в их интересах заставили крестьян выкупать у них свою землю. Результатом, помимо непримиримого противоречия между народом и связанной с ним интеллигенцией, с одной стороны и государством, с другой, стала длительная разрушительная инфляция, потому что под этот выкуп пришлось эмитировать деньги.

При этом значительная часть помещиков вести свое хозяйство не смогла, а некоторая и просто не захотела. Она стали закладывать имения, получать под них огромные кредиты, проматывать эти кредиты в Европе, потом опять перезакладывать, а банкротить их никто не смел, потому что помещикам их земля была дарована почти богом.

В результате к концу XIX века экономика оказалась разбаласированной – эмитировали слишком много денег. В качестве реакции на это безобразие к управлению были призваны, выражаясь современным языком, монетаристы, символом которых стал Витте. Они стабилизировали экономику при помощи предельно жесткой финансовой политики, за счет социальной деградации общества. П. А. Столыпин в этом процессе весьма энергично участвовал и, в конечном счете, из-за него и пострадал.

В силу этого почти гайдаровского монетаризма бурное развитие капитализма шло, к сожалению, на костях народа – не только из-за понятной алчности капиталистов, но в первую очередь из-за сознательной политики государства. Именно из-за нее та сдерживающая сила, которая оформила профсоюзы Германии в конце XIX века, которая проявилась в США (через профсоюзы и, с другой стороны, через приток мигрантов, который позволял удерживать эти профсоюзы в узде), у нас не сложилась совсем.

В отсутствие этой системной, интегрированной в производство и управление сдерживающей силы в качестве коллективного морального авторитета стремительно выросла интеллигенция, которая оказалась абсолютно враждебной государству. Это произошло благодаря пафосу великой русской культуры, проповеди доброты и милосердия, – ведь большинство людей жило действительно ужасно, а ценности у интеллигенции были вполне европейские, гуманитарные. С другой стороны, причиной враждебности интеллигенции государству стала ограниченность, жестокость, чтобы не сказать тупость и самодурство правящей бюрократии.

А исторически противостояние интеллигенции и государства восходило к освобождению крестьян, при котором государство вопреки опричному принципу оперлось на помещиков против народа, а разночинная интеллигенция как раз из народа-то и происходила.

Это главное.

Именно в ограблении крестьян при их освобождении – коренная причина саморазрушительной, самоубийственной для общества вражды интеллигенции, вышедшей из этих крестьян, и государства.

В силу изложенного в начале XX века Россия обладала великолепной экономикой, пятой в мире по масштабам производства, со стабильной валютой и огромным экспортным доходом, но внутри раздиралась жесточайшими социальными конфликтами. Власть же вместо того, чтобы умерять эти конфликты или хотя бы дирижировать ими, сама была одной из конфликтующих сторон. По своей природе призванная быть арбитром, она с упоением лезла в самую гущу социальной драки.

Результат – первая русская революция: ужасное событие, ужасные жертвы, буквально озверение режима. Ведь людей действительно убивали без суда, забивали нагайками, рубили топорами, – а с другой стороны имел место революционный и особенно постреволюционный террор. Но власть не смогла извлечь из трагедии должных уроков.

Царь попытался. Николай Второй был человеком, судя по всему, добросердечным, но как управленец – предельно неэффективным. Он честно попытался демократизировать систему управления, сделать ее более гибкой и лучше учитывающей интересы и мнения общества, но сделать этого не сумел. А просто улучшить жизнь рабочих, переселив их значительную часть из подвалов в комфортабельные по тем временам общежития, было уже недостаточно.

Кстати, о подвалах: один из моих радиослушателей рассказал, что по мере разжигания антисоветской истерии в последние годы все чаще вспоминает рассказы о своем прадеде, который работал в вагонных мастерских, за Ярославским вокзалом в Москве, по 10–12 часов и домой приходил только ночевать. Семья жила в подвале, и из девяти детей выжило только трое последних, которые родились, когда они уже переехали из этого подвала. Потому что в подвале, где они жили, у ребенка не было никаких шансов на выживание.

Если бы нынешние любители царского режима пожили в таких условиях, они, скорее всего, изменили бы политические взгляды. А то большинство из них думают, что при крепостном праве, да и при царизме, были бы только графьями и князьями.

Царизм пал жертвой столкновения, с одной стороны, внешних сил, с другой – внутреннего раздражения и недовольства. И Николай Второй в какой-то момент, вероятно, просто устал и захотел «выйти из боя», а в политике, да еще и в условиях кризиса, это самый

надежный способ самоубийства. Ведь принцип бандитских «стрелок» – во всем виноват отсутствующий – слишком часто применяется и, казалось бы, относительно цивилизованными кругами.

* * *

Однако Николай Второй, вероятно, был слишком интеллигентен (или слишком много пил), чтобы понимать это, – и отрекся.

А ведь как царь он являлся помазанником Божьим – и сам в это, скорее всего, свято верил.

Когда же помазанник Божий отрекается от власти, он отрекается тем самым и от Божьего помазания. Это не секретарша, не ночной сторож, которые могут психануть и написать «заявление по собственному желанию». Добровольный личный отказ от Божьего помазания – поступок, который, если и не является святотатством, вполне может привести, если говорить религиозным языком, к богооставленности. Другое дело, что своей смертью он это, по-видимому, искупил.

Сейчас некоторые монархически настроенные историки говорят, что, мол, ничего этого не было. Николай Второй (он же Кровавый – такое прозвище у народа надо было заслужить) ни от чего не отрекался, а так называемое «отречение» было фальсифицировано масонами и английскими шпионами.

Не могу судить, какое отношение это имеет к реальности, но факт остается фактом: Николай Второй после отречения вел себя так, как будто отречение было его собственным, добровольно сделанным шагом. За власть он не боролся. Это – бесспорный исторический факт.

А теперь посмотрим на это с точки зрения отношений между Богом и человеком.

Бог вручает человеку власть – и эту Богом данную власть у человека похищают. Это преступление не против человека, но, в конечном счете, против Бога, но ограбленный человек отказывается восстанавливать справедливость, отказывается бороться за власть и тем самым соединяется против Бога со своими врагами, хотя это противостоит естеству во всех отношениях.

Так или иначе, отречение в пользу заведомо не желавшего власти младшего брата царя Михаила стало юридическим фактом. Тот тоже отрекся, наступило безвластие, и вины большевиков в этом никакой нет. Историческая вина всецело лежит на последнем царе, на тех, кто вырвал у него власть, и тех, кто создал Временное правительство и власть в итоге не удержал.

Да, большевики боролись с самодержавием, с царским режимом, но власть они в прямом смысле слова подобрали, когда та валялась на земле. И помнили это хорошо: десять лет после 1917 года они называли Великий Октябрь не революцией, а всего лишь переворотом. И это действительно был переворот: группа революционеров и матросов пришла в Зимний дворец (совсем не так, как это было потом показано в знаменитой картине Эйзенштейна, до сих пор иногда выдаваемой за документальную съемку), и там не оказалось никого, кто всерьез был готов защищать потерявшееся в истории Временное правительство, – как несколькими месяцами раньше практически никто не был готов защищать царя.

Тогда брат еще не пошел на брата, до весны 1918 года развитие событий шло удивительно мирно, даже иногда трогательно в своей наивности, – когда, например, офицеров, даже оказывавших сопротивление, действительно отпускали под честное офицерское слово больше никогда не воевать с новой властью. А офицеры очень хорошо помнили, как после Февральской революции их убивали, и на фронте, и в тылу, часто просто за наличие формы или за попытку отдать тот или иной приказ.

Ну, а весной пошло: с одной стороны серьезное сопротивление, с другой – раскрестья-нивание, рассказывание, вплоть до национализации женщин и прочего безумия.

Но закончим все же с отречением.

Отречение Николая Второго действительно написано ненадлежащим образом, но ведь и весь царизм был в высокой степени неформальным инструментом.

Никакого закона о престолонаследии в России не существовало – и новый царь всякий раз, по сути дела, неформально избирался правящей элитой! Наша монархия, наше самодержавие опиралось на выборы, пусть даже не всенародные и осуществляемые весьма опосредованно, в форме государственного переворота или отказа от него, но все равно выборы, – это была выборная монархия!

Может быть, Николай, отрекаясь, думал о том, что отречение, написанное ненадлежащим образом, не является юридическим документом, но в то время его уже так ненавидели, что таковым документом было сочтено даже оно.

Очень интересен расклад политических сил на тот момент.

Уникальность нашей страны проявляется и в действительно уникальной причине того, что у нас нет или почти нет собственной толковой истории. Ведь история всегда очень идеологизирована, это родовая травма данной науки. История – вынужденно – не столько ищет истину, сколько формирует нацию. Поэтому очень сложно заниматься исследованиями: приходится понимать, что, если результаты этих исследований окажутся противоречащими внутренним потребностям коллективного сознания нации, они либо никогда не будут признаны (или, как минимум, не будут популярными), либо приведут к разрушению нации, к катастрофе.

Так вот, уникальность нашей страны проявляется и в том, что ее развитие примерно поровну определялось внутренними и внешними силами. Российское общество очень открыто внешнему влиянию, наш исторический способ существования – приятие чужой энергии и превращение ее в свою. Мы принимаем в себя внешнее влияние, перерабатываем его, используем в своих интересах: в этом секрет силы русской культуры, русской цивилизации, – и к сожалению, от этого же и страдаем.

Большинство историков неосознанно идеологизированы – и потому не могут принять это равное влияние внешних и внутренних факторов на развитие России. Для патриота-почвенника осознать, что народ-богоносец определяет свою жизнь не в большей мере, чем совершенно посторонние богомерзкие масоны и либералы, так же невыносимо, как для западника – осознать, что это быдло, эти холопы влияют на свою страну ничуть не в меньшей степени, чем блистательные ясновельможные паны (или «все мировое сообщество» – меняются только символы, суть практически не меняется).

К 1917 году главным фактором общественной жизни стало абсолютное, массовое отторжение царизма из-за чудовищной империалистической войны, которая перемалывала целые поколения – мучительно, страшно, изуверски и откровенно бессмысленно. Никому из обычных людей это не было нужно, все изнемогли от крови и лишений, все жаждали мира.

Первичный, истерический всплеск патриотизма закончился очень быстро, и начались бессмысленные, чудовищные, бесконечные жертвы. Кому-то грезился Константинополь, кому-то хотелось отобрать у России Польшу, но для основных участников войны она так и не стала отечественной, потому что слишком явно и откровенно с самого начала была империалистической.

Царь и вся система управления были обязаны отреагировать на эту бессмысленность и задуматься, как выйти из конфликта. Ведь война была братоубийственной даже для императоров: все королевские семьи Европы находились в родстве.

Но они не смогли захотеть это сделать, и в итоге Первая мировая уничтожила все империи, кроме Британской.

Парадокс России заключался, с одной стороны, в полном взаимном отторжении общества и власти, замкнувшейся на себя. Власть просто закрыла все окна, все двери и перестала интересоваться, что там про нее думает общество. С другой стороны, эта абсолютно недемократичная власть старалась быть гуманной: не попадающие в узкие категории совершенно нежелательных лиц (например террористов) могли совершенно спокойно бороться с ней. И наконец, открытая внешнему миру Россия находилась под очень жестким давлением внешних сил. Немцы хотели сепаратного мира, англичане и французы всеми силами старались его не допустить – и Россия стала еще одним полем их боя.

При этом царская Россия отнюдь не была диктатурой: наша монархия являлась очень мягким авторитаризмом, во многом вполне правовым государством, в котором спецслужбы в отсутствие закона, специально регламентирующего их действия и наделявшего их особыми правами, оказались беспомощными. А закона о спецслужбах не существовало из-за недоразвитости парламентской системы, недоразвитости демократии: парламент еще не мог реагировать на потребности общества, даже в области обеспечения его безопасности, а самодержавие было уже слишком косно, чтобы эти потребности замечать.

Все решения в этой сфере принимал лично государь, как сейчас говорят, – и он оказался весьма слабым управленцем.

В результате отречение царя явилось в чистом виде победой Антанты: победой англо-французского влияния и финансово связанной с этими странами российской буржуазии. Февраль действительно был классической буржуазно-демократической революцией, но в условиях крайне слабого развития капитализма и, соответственно, слабости и несамостоятельности буржуазии.

Семьдесят процентов тогдашних базовых отраслей – горной промышленности и машиностроения – принадлежало иностранному капиталу, представители которого потом, в настоящую революцию, вместо того, чтобы с пулеметом лечь перед заводоуправлением, просто уехали домой, списав российскую часть бизнеса в убытки.

Остальная, собственно российская часть крупного бизнеса, была теснейшим образом связана с царским режимом. Это были не предприниматели, а, выражаясь по-современному, олигархи, которые очень быстро поняли, что спекуляции безнаказанны и приносят значительно большую прибыль, чем собственно производство.

В результате они в тесном сотрудничестве с коррумпированными чиновниками начали создавать искусственный дефицит везде – от продовольствия до оружия.

Это непредставимо для современного сознания: производители оружия и его перепродавцы устроили, по сути дела, бойкот фронту. Из-за спекуляций фронт не получал патронов, снарядов, винтовок. Да, в критические моменты Великой Отечественной войны бывало такое, что ополченцам приходилось ходить с одной винтовкой на троих на танки, но ведь и в Первую мировую войну происходило нечто похожее. Не хватало патронов, не хватало снарядов, а на самом деле их было столько, что хватило на всю Гражданскую, на все конфликты двадцатых и тридцатых годов, и в начале Великой Отечественной этими патронами и снарядами еще довоевывали!

Февральская революция началась с восстания в очередях, когда женщины кричали: «Что ж вы с нами делаете?» А страна была завалена зерном, его девать было некуда – как гречку некуда было девать осенью 2010 года, когда искусственно создали ее дефицит.

Непосредственный толчок к Февральской революции дала, выражаясь современным языком, мелкая спекуляция чиновников средней руки мэрии Санкт-Петербурга, но всеокрушающим политическим фактором, когда требовать отречения своего главнокомандующего к нему приехали генералы с красными бантами, она стала лишь в результате мощного давления стран Антанты. Их интерес был прост: они боялись примирения русского царя с его немецким родственником, желали распространения на Россию демократического

устройства общества и надеялись ослабить Россию, чтобы не допустить ее в полной мере на послевоенный пир победителей.

И, с некоторыми оговорками, им это удалось.

Придя к власти в результате Февральской революции, мелкая и незрелая, в том числе и по уровню своего самосознания, российская бюрократия ничего, кроме «войны до победного конца», придумать не могла. Просто потому, что она бегала на очень коротком поводке у своих хозяев из Антанты – точно так же, как российские либералы остаются на коротком поводке у своих хозяев из «вашингтонского обкома».

И сказать этим хозяевам: извините, пожалуйста, но мы пришли к власти и теперь отвечаем не столько перед вами, сколько в первую очередь перед своим народом, – все эти керенские и князья львовы не смогли даже попытаться. Эта слабость и оказалась для них роковой.

Между прочим, влияние Антанты на внутренние российские дела отнюдь не сошло на нет после победы большевиков, которые вроде бы ориентировались на немцев. Ведь так называемый «мятеж левых эсеров», в котором скрыто участвовало огромное количество большевистских руководителей и который был, насколько можно понять, попыткой антиленинского переворота со стороны Свердлова и Дзержинского¹, – этот мятеж был и проявлением англо-французского влияния.

Да, конечно, имело место стремление к большей демократии, к опоре на крестьян, к расширению социальной базы, но и влияние Антанты прослеживается очень четко.

И исключительно мягкая реакция большевиков на этот мятеж была вызвана не только прoderжавшимся аж до тридцатых годов сентиментальным отношением к таким же, как и они, революционерам, не только инстинктом самосохранения, но и пониманием этого внешнего влияния как важной причины мятежа.

Ленин, кстати, очень хорошо умел помнить национальные интересы, даже находясь под внешним контролем. Классический пример – Брестский мир: из-за внутренней драки среди самих большевиков, я уж не говорю об эсерах и остальных, пришлось отдать немцам даже больше, чем те хотели вначале. Ведь Красной армии, что бы мы ни отмечали 23 февраля, в то время в природе просто не существовало: немцы шли и забирали все, что желали, не встречая вообще никакого сопротивления.

Но первое, чем занялись большевики после того, как уступили немцам все, что можно и чего нельзя, – это разжигание революции в Германии. Да, для Троцкого и компании это был шаг к мировой революции; но для остальных – и Ленина в том числе – это был национальный реванш, хотя они и не мыслили тогда в этих категориях. И очень быстро они ответили своим бывшим партнерам «по полной программе».

Примерно наполовину крушение России определялось ее собственным состоянием. На четверть – влиянием Антанты и еще на четверть – Германии.

Если Февральская революция была победой Антанты, то Великий Октябрь – стихийным бунтом против этой победы. Назвать его аналогичной победой Германии язык не поворачивается: победы обычно заканчиваются для победителей по-другому.

* * *

Почему же у нас сейчас стало так модно ненавидеть большевиков и Октябрьскую революцию – даже больше, чем в начале девяностых годов?

Отнюдь не за реки крови, не за террор, не за то, что перемололи страну: если внимательно слушать ненавистников Великого Октября, становится ясно: его ненавидят за то, что он был порывом народа к справедливости.

¹ Дзержинский быстро понял, что переворот не удался, и вернулся к поддержке власти.

Ведь 7 Ноября в последние два десятилетия стал символом не столько революции, сколько вечного содержания, вечного смысла этого конкретно-исторического события. 7 Ноября для огромной части российского общества стало символом того, что стоит за этим событием: установления справедливости и наказания несправедливой (пусть даже и «давно прошедшей» царской) власти. Да, справедливости во многом ужасной, да, наказания незаконного, но нынешних властителей России, насколько я могу судить, справедливость пугает больше ужасов прошлого. Многие из них ведут смертный бой с мертвыми именно потому, что память о них мешает живым грабить и насиловать Россию.

Ненависть значительной части правящей бюрократии к Великому Октябрю вызвана тем, что в революцию народ слишком наглядно и убедительно показал, что власть не может безнаказанно быть бесконечно несправедливой и что наглость, циничность, откровенное попрание интересов народа кончается для власти плохо.

Именно это вызывает сильнейшее раздражение, негодование, отторжение и даже ненависть нынешней правящей и владеющей Россией тусовки.

И в связи с этим нам сегодня пора вспомнить – и не стоит забывать, – что, если государство не выполняет свои обязанности по обеспечению социального мира, оно обречено.

«Выполнять свои социальные обязанности» для государства не значит забить всех несогласных дубинками и дать правоохране любые безумные права, какие та попросит, – это значит сделать так, чтобы люди были довольны жизнью.

И тогда никакая пропаганда, пусть даже самая сильная, самая враждебная, самая иностранная, не сделает ничего.

Надо просто сделать так, чтобы люди чувствовали себя в безопасности, чтобы развитие существовало не только в передачах официозного телевидения, но и в реальной жизни, чтобы люди не только слышали о нем, но и видели его вокруг себя.

Во время дебатов с одним неплохо владеющим предметом единороссом он с гордостью заявил: вдумайтесь – партия «Единая Россия» за семь лет построила по всей стране 12 мостов! И тут же признался, что строительство значительной части этих мостов было начато еще при Советском Союзе, а сейчас их просто завершили.

Ну давайте задумаемся, как нас просят: за семь лет, в течение которых бюрократия и олигархи буквально захлебывались в нефтедолларах – и захлебываются ими до сих пор, – они достроили и построили 12 мостов на всю Российскую Федерацию. Неописуемо! На фоне такого цинизма меркнет даже то, что эти мосты построило, конечно, правительство, а не «Единая Россия».

Двенадцать мостов за семь лет по всей нашей стране – и они истово гордятся этим!

Это отказ от модернизации, причем отказ системный и последовательный. В сочетании с дикой, циничной пропагандой, которая ведет к тому, что люди перестают верить чему бы то ни было, – и самой этой пропаганде в первую очередь, – он смертельно опасен не столько для самой власти, сколько для общества, оказывающегося жертвой ее корысти или некомпетентности.

Такова ситуация, в которую сегодня заведена Россия, и правящей тусовке приходится быстро-быстро суесться, чтобы Великая Октябрьская социалистическая революция не встала на повестку дня непосредственно в преддверии своего столетия.

Ненависть к ней насаждается еще и феерической самоидентификацией правящей тусовки. Укрепляя в нашей стране, насколько можно понять, военно-полицейский феодализм, обрушивая наше общество в средневековье, в варварство, – они начинают искренне,

«всем телом, всем сердцем, всем сознанием» принимать соответствующие ценности. В нашей стране сейчас лозунг «Долой самодержавие и престолонаследие!» официально трактуется представителями государства как призыв к свержению государственной власти.

Прекраснодушная интеллигенция, нюхая цветочки, привычно считает это не более чем бытовым маразмом.

А я вот совершенно не уверен, что это маразм. С моей точки зрения – напротив, выражение самоощущения огромной части власти. И ее сегодня нужно оздоравливать по-хорошему, чтобы завтра не пришлось делать это по-плохому.

Чтобы праздник 7 Ноября действительно можно было сделать рабочим днем, чтобы он стал неактуальным для всех, кроме членов КПСС. Ну вот, например, день Куликовской битвы – он же не актуален. Битва на Калке – мы даже сейчас не вспомним, когда это было. Бородино тоже не актуально, мы ездим в Париж, любим французов, с восторгом смотрим французские фильмы.

Да, 22 июня актуально для нас, но при этом мы прекрасно относимся к немцам. Мы понимаем, что немцы уже другие: мы разгромили их, мы уничтожили в них мерзость, и они в результате этого стали нормальными.

Теперь нам нужно уничтожить мерзость в себе, в своей стране.

Хотя бы для того, чтобы в лучших коммерческих вузах Российской Федерации при ответе студентов на вопрос, с чем у них ассоциируется понятие «бизнесмен», понятие «вор» набирало менее половины ответов.

Повторюсь: я очень хочу, чтобы день 7 ноября ушел в историю и воспринимался бы нами так же отстраненно и спокойно, как, например, день Куликовской битвы. К сожалению, антинародная по сути дела, попирающая справедливость и отрицающая неотъемлемые повседневные интересы людей политика государства вольно или невольно ведет к тому, что этот праздник становится все более актуальным и возвращается в повестку дня.

Многими нелюбимый Сергей Михалков, автор трех последних гимнов нашей великой Родины, когда-то написал про большевиков слова, которые сейчас звучат абсолютным экстремизмом:

Они хотели, чтоб народ
Был сыт, обут, одет
И не работал на господ,
Как было сотни лет.
Они хотели, чтоб сильна
Среди соседей-стран
Стояла первая страна
Рабочих и крестьян.

Допустим, про рабочих и крестьян – это, конечно, некоторая дань времени, а вот все остальное сегодня звучит едва ли не составом преступления, едва ли не прямым обвинением нынешней правящей тусовке.

Но я верю, что мы оздоровим государство, сделаем его органом народа, и наши дети по поводу этих стихов будут спрашивать так же, как когда-то, при советской власти, спрашивали мы: «А неужели народ когда-то мог быть несатым? Неужели кому-то приходилось работать на каких-то господ? Неужели такое вообще могло быть?»

И для этого оздоровления необходимо пристальное внимание и тщательное изучение фигур и опыта людей, превративших наше государство в орган народа в прошлый раз. В первую очередь – В. И. Ленина.

Ленин: победитель

«Не календарный – настоящий» XX век был открыт фигурой Ленина, прошел под знаком поклонения ему доброй половиной человечества и завершён беспрецедентной хулой в его адрес.

Так бывает.

Как сказал продолжатель его дела, «после смерти на мою могилу нанесут горы мусора, но ветер истории развеет их».

И мы видим, что уже развеивает.

Разочарование людей, обнаруживающих под маской «самого человеческого» почти бога вроде бы вполне обычного человека, с романами, болячками и ошибками, безмерно – и понятно.

Не зря ведь сказано «Не сотвори себе кумира».

И я совершенно не готов оспаривать конкретные обвинения, выдвигаемые в его адрес, – начиная с того, что в свободное время он возился не с абы какими детьми, а с детьми высокопоставленных коммунистов, и кончая тем, что он якобы отдавал приказы об убийствах детей.

В конце концов мне приходилось видеть аналогичные по значению приказы, отдаваемые не 90 лет назад, а совсем недавно здравствующими ныне, благополучными, уважаемыми и влиятельными людьми.

Работа с изнанкой истории воспитывает цинизм.

И в рамках этого раздела я готов, в отличие, думаю, от большинства читателей, принять все обвинения.

Просто потому, что истории, как это ни печально, результат важнее намерений.

Великий прагматик

Первое, что бросается в глаза в Ленине, – его тактическая гениальность.

Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, преодолевая все и всяческие препятствия, а потом, увидев, что ситуация поменялась, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться, хоть на 180 градусов, и решительно двинуться в новом направлении.

«Решительно» в ленинском стиле означает с железной последовательностью, стремительностью и изобретательностью, позволяющей за счет тактической гибкости опережать более мощных противников и обтекать казавшиеся вроде бы непреодолимыми препятствия.

Именно за эту беспощадную и всепоглощающую последовательность, не останавливающуюся ни перед какими внутренними или внешними препятствиями, его называли «мыслящей гильотиной».

Это об этом стиле сказал Роберт Рождественский: «Повороты бывали всякие, пробирающие, как озноб. Даже самых сильных пошатывало, слабых – вовсе валило с ног».

Однако даже слабые, за редким исключением, не бросали его и не отбрасывались им, получали возможность оправиться и вернуться в строй – и в результате качественно усиливали ленинскую организацию. Причина этого – в ленинском характере, в хрестоматийном «он к товарищу милел людскую лаской», во внимании и заботе к своим соратникам.

Ленин далеко не всегда поддерживался ими, часто был в меньшинстве, а часто вызывал насмешки – достаточно вспомнить реакцию руководства партии на десятилетиями казавшиеся хрестоматийными «Апрельские тезисы». Однако не свойственная времени и среде

человечность, проявляемая им, качественно усиливала его политический ресурс, создавали дополнительный, не видимый ни друзьям, ни врагам «запас прочности».

А «не отступать, не сдаваться», через любые препятствия и любыми маршрутами идти к сияющей путеводной звезде, не теряя ее из виду, помогала колоссальная личная энергетика.

Один из очевидцев событий 1917 года вспоминал, как пришел на митинг с участием Ленина, который проходил в цирке. Автор мемуаров сидел на верхних рядах, а внизу, на арене, что-то кричал, почти бегая по ней кругами, маленький рыжеватый и лысоватый мужчина. Микрофонов не имелось, акустика была плохой, и не только слов Ленина, но и общего смысла произносимого им невозможно было разобрать. Но человек запомнил это выступление на всю жизнь не потому, что выступал Ленин, – в то время отношение к нему было значительно проще, чем в фильме «Ленин в Октябре», и обычные люди часто не выделяли его из общего ряда революционных вождей. Он запомнил Ленина потому, что был потрясен колоссальной позитивной энергией, буквально распиравшей этого маленького человека, – энергией, которой он заполнил и воодушевил весь цирк, основная часть которого просто не слышала его слов.

Жестокие и часто внезапные тактические повороты никогда не были беспорядочными суевливыми метаниями, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников, написанных враждебно настроенными к Ленину авторами. Они всецело подчинялись, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал четко и однозначно на всем протяжении своей сознательной жизни.

Уникальность Ленина – именно в сочетании тактика и стратега. В этом отношении он был универсалистом, обычным в эпоху Возрождения и столь редким для специализированного XX века.

Не потерять из виду стратегическую цель на протяжении всей жизни он смог только потому, что, помимо политика, был еще и разносторонним ученым, круг интересов которого простирался от экономической статистики до философии.

Наука занимала в его системе ценностей безусловно второстепенное значение и была, как и все остальное, подчинена цели построения нового, более справедливого общества. Именно это обусловило пламенную односторонность ряда его исследований – никакой практический интерес не убивал в нем ученого, не отвлекал от поиска и обнаружения истины.

Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее.

Мышление Ленина, в отличие от мышления многих тогдашних и сегодняшних профессиональных кликуш от политики, было осознанно-диалектичным; рассматривая значимые явления (речь, конечно, не идет о публицистике «на злобу дня»), он последовательно проводил свою мысль через отрицание отрицания, не останавливаясь вплоть до фиксации перехода количества в качество и не стесняясь (когда это, естественно, не противоречило текущим политическим нуждам) признавать единство борющихся противоположностей.

Сознательное следование «по диалектическому маршруту» вкупе со стремлением максимально полно и всесторонне рассмотреть изучаемое явление обусловило знаменитое спиральное движение ленинской мысли, вбивающее в глухое отчаяние конспектирующих его работы студентов.

Именно потрясающая дисциплина мысли наделила Ленина и его последователей «пугающим интеллектуальным превосходством» над своими противниками.

И отнюдь не только личная трагедия, но прежде всего изучение своего общества показало Ленину, что царизм нереформируем, что его невозможно

улучшить «изнутри» – и, следовательно, ему попросту невозможно помочь: его можно только победить.

Он укреплялся в понимании этого, видя, с какой неизбежностью, а порой и жестокостью избавлялся царизм от всех профессионалов, способных повысить его эффективность, – включая самых верных и близких вроде В. К. Плеве и П. А. Столыпина.

И это – в сочетании с колоссальной энергетикой буквально kloкочущих масс – вселяло в него веру в неизбежность революции.

Конечно, руки опускались, и отчаяние брало за горло, и вырывалось, что революция в России произойдет не при его жизни.

Что с того? Как и все великие люди, он работал на будущее, а не на поздний вечер сегодняшнего дня.

Он видел цель не для себя – для всей страны, а в конечном счете и для всего мира, – и только это позволило ему дойти до нее.

Согласитесь: в настоящее время здоровые силы России находятся в пугающе похожем положении.

Российская политика – упряжка из двух зайцев

Россия в силу своей фантастической открытости для общемировых тенденций является страной с самой непредсказуемой историей. Никакой «железный занавес», никакой изоляционизм, никакая гордость, никакие победы над Западом не могут помешать тенденциям общеевропейского (а теперь уже и глобального) развития проявляться в нашей общественной жизни – часто раньше и более ярко, чем в остальном мире.

В результате развитие России в долгосрочной перспективе определяется двумя равнозначными факторами: внешним влиянием и внутренними процессами.

Ленин виртуозно использовал оба фактора, за что его порицают усиленно и, с моральной точки зрения, вполне справедливо.

Не будем лишь забывать реалий того времени. Так, во время русско-японской войны японская армия, по некоторым сообщениям, покупала лучшие в то время винтовки – трехлинейки Мосина, – производимые даже не на казенных заводах, а на заводах, находившихся в собственности царской семьи. Да, покупки осуществлялись, разумеется, через третьи руки, но для заинтересованных лиц были секретом Полишинеля – и чудовищность этого была такова, что даже большевики после прихода к власти постеснялись (при всей своей легендарной беспардонности) предавать огласке соответствующие факты. Таким образом, получая деньги от японцев, революционеры, вероятно, просто следовали примеру царской семьи.

С другой стороны, рассуждения о том, что партия большевиков пользовалась-де неким покровительством царской охранки, как правило, не сопровождаются объяснением поведения последней. А ее мотивы были просты: большевики (в том числе из-за своей слабости) не вели, в отличие от эсеров, масштабного террора против государства – и уже поэтому воспринимались как относительно конструктивная группа, являющаяся вполне приемлемой альтернативой оголтелым террористам.

Сегодня мы просто не можем себе представить ожесточения революционного террора. С февраля 1905 по май 1906 года, по официальным данным, было убито восемь губернаторов и градоначальников, пять вице-губернаторов и советников губернских правлений, четыре генерала и семь офицеров армии, восемь жандармских офицеров, 21 полицмейстер, уездный начальник и исправник, 57 урядников, 70 приставов и их помощников, 125 околоточных надзирателей, 346 городских, 18 агентов охраны, 85 гражданских чиновников, 12 священников, 52 представителя сельских властей, 51 землевладелец, 54 фабриканта (включая стар-

ших служащих на фабриках), 29 банкиров и крупных торговцев. Общее число жертв в 1901–1911 годах составляет 17 тыс. человек. А в 1907 году, после провала попыток вооруженных восстаний, в среднем убивалось до 18 человек в день.

Власть, выстоявшая под этим кровавым смерчем, была прочной и во многом самоотверженной, но ее представителям становилось по-человечески страшно, и большевики, шедшие на преступления преимущественно ради грабежа, виделись если и не «социально близкими», то, во всяком случае, более приемлемыми.

Кроме того, не будем забывать результата этого сотрудничества: революции, едва не принесенной в Германию на деньги ее Генштаба, и одного из высших жандармских офицеров, уволенных во время Первой мировой войны за настойчивые указания на большевистскую опасность, а затем возвращенного из эмиграции и успевшего еще в 1930-е годы потрудиться консультантом Сталина по некоторым деликатным вопросам.

Формальная демократия или жизнь? – трагедия выбора

Ключевой момент жизни каждого политика – приход к власти.

Для Ленина это 1917 год: между Февральской революцией и разгоном Учредительного собрания.

Февральская революция была демократической революцией в полном смысле этого слова. Объединенные лидеры буржуазии, интеллигенции и военных, вдохновленные помощью Запада (представителям которого нужно было разрушение колониальных империй для расширения рынков сбыта; процесс закончился лишь с распадом Британской империи), свалили самодержавие, принудили слабовольного царя к отречению в пользу младшего брата, который заведомо не хотел царствовать и отдал им власть...

И они позорнейшим образом провалились во всех сферах общественной жизни.

Они сумели лишь развалить армию, государство и сам уклад обывательской жизни, смывший не столько митинговой стихией, сколько начинавшейся разрухой.

Это ничего не напоминает вам, друзья мои, пережившие демократическую власть в начале девяностых и видящие либеральное информационное наступление сейчас, в начале 2010-х?

Временное правительство, состоявшее из исключительно умных, цепких и талантливых по отдельности людей, оказалось коллективным ничтожеством.

По очень простой причине: оно не имело никакой содержательной позитивной программы после первого же своего шага – после предоставления народу стандартного набора свобод.

Его члены хотели политических свобод – и взяли их, и дали народу – и оказались в полном недоумении перед тем простым фактом, что народ хотел не столько свободы слова, сколько хлеба, работы и мира.

А обеспечить всего этого Временное правительство не могло, ибо в тогдашней ситуации, как и в любом кризисе, для решения содержательных проблем нужно было ограничить эти свободы, а главное – обеспечивать развитие.

Не на уровне болтовни о «войне до победного конца», «модернизации», «инновациях» и «борьбе с терроризмом», а на уровне решения конкретных проблем за счет реализации стратегических модернизационных программ.

Именно это потом сделали большевики, вся вина которых заключалась в том, что они не путали демократию с импотенцией.

А ведь для своего времени именно Ленин был главным демократом – человеком, обеспечивающим максимальное участие в управлении максимально широкому кругу людей. И даже диктатура пролетариата, при всех зверствах и жестокостях, с точки зрения учета вла-

стью интересов и мнений большинства была демократией по сравнению с устройством царской России – да и многих других тогдашних стран. Другое дело, что искренне считающие «людьми» только социальную верхушку всякого общества до сих пор не в силах заметить это.

Коммунизм охватил полмира и стремительно распространился во всем человечестве не из-за подкупа, лжи и спецопераций (всего этого было в избытке и у него, и у его противников), но прежде всего потому, что в то время именно он был идеологией освобождения и раскрепощения человека, идеологией реальной, а не «суверенной» демократии. Не случайно США, разглагольствуя о свободе и демократии, в своей внешней политике последовательно поддерживали диктаторов и «давили» демократов вплоть до самого президентства Дж. Картера, когда Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека.

Но при Ленине, при большевиках наша страна была не только одной из самых жестоких и страдающих, но и одной из самых демократичных в мире – если, конечно, понимать под демократией не соответствие формальным правилам, а реальный учет властью интересов и мнений населения. Классическим проявлением этого стал поворот к нэпу: да, всецело вынужденный крестьянской войной, на которую не хватало уже снарядов и газов, но и демократичный по своей сути.

Сколько режимов рухнуло именно из-за своей недемократичности, из-за неспособности встать на сторону народа против самих себя вчерашних?

* * *

Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистического общества.

И несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом и помимо его непосредственных замыслов, – она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им руками, по человечку и камешку.

И потому в мировом историческом процессе он – победитель.

Зачем нам память о Сталине

Тем не менее, несмотря на колоссальную историческую роль Ленина, в настоящее время его образ практически утратил свою актуальность для нашего общества. Самой популярной, самой важной для современного общества исторической фигурой, подлинным «именем России» является Сталин. Недаром была шокирована авиакомпания «Люфтганза», объявившая в Интернете конкурс на лучшее название своего самолета и получившая благодаря широкому голосованию из России в качестве наиболее популярного имени «Сталинград».

Между тем широкие дебаты о Сталине практически отсутствовали в общественном сознании еще 10 лет назад, а лет 5–7 назад они лишь разворачивались.

Что произошло за это время?

Похоже, ответ прост: осознание обществом недееспособности нынешней власти и крах надежд, связанных с нею. Хотели Штирлица, а Штирлиц оказался Шелленбергом, да еще и проворовавшимся.

Надежды на цивилизованную справедливость опадают, как осенние листья, обнажив фигуру нецивилизованной, дикой справедливости – Сталина.

Это единственный руководитель в нашей истории, который осуществил успешную техническую и социальную модернизацию – причем буквально из пепла. И, несмотря на все ужасы (не только коллективизации и большого террора, но и повседневной мирной жизни), это самый близкий к нам во времени пример успешного и быстрого качественного развития нашей страны. То пространство, в котором мы живем, и та социальная структура, в которой мы вертимся, созданы в своей основе Сталиным, а в кризисы людям свойственно возвращаться к истокам.

А Россия XX века, как русская литература из «Шинели» Гоголя, вышла из шинели Сталина.

Я плохо к нему отношусь: для интеллигенции в 1920–1930 годах он был примерно тем же, чем для нынешней интеллигенции является Рамзан Кадыров, – но говорить из-за моих эмоций, что дважды два пять, невозможно.

В том числе потому, что Хозяин учил не лгать.

Нынешняя активизация дебатов о нем – это активизация не дебатов, а антисталинских истерик.

Помимо испуга коррумпированной бюрократии, примерившей на свои поступки и свою мораль сталинские нормы наказаний, важно и то, что В. В. Путин, осознанно или нет, пытался подражать Сталину. У него получился «не маленький, но очень маленький Сталин», однако общество уловило это едва ощутимое сходство, и антипутинское либеральное наступление разворачивается и как антисталинское: Сталин выступает всего лишь псевдонимом Путина, хотя это и оскорбительно для обоих (оскорбительно равно – правда, по разным причинам).

Нынешняя натужная антисталинская кампания, насколько можно судить, представляет собой попытку извратить историю не в стратегических интересах, как это делалось в нашей стране в прошлом, а в корыстных и сиюминутных политиканских целях. И предпринимают ее не люди, думающие – пусть даже и неправильно – о будущем своего народа, а конту-

женные своей историей, пусть даже и взобравшиеся на высокие посты, подрабинеки² всех мастей.

Это попытка лишить нас всего советского периода нашей истории, превратив нас в Адольфов, не помнящих родства. Это попытка, разрушив тем самым нашу идентичность, лишить нас способности защищать свои права: как народа – в глобальной конкуренции, как граждан – во внутривластной борьбе с клептократией.

И наконец, это попытка расколоть общество еще по одной линии, чтобы продолжать реализовывать средневековый принцип «разделяй и властвуй».

Но нельзя забывать и о трагедиях большого числа людей, которые просто и честно пользуются случаем, чтобы излить свою боль. Это честные люди, и надо уметь уважать их чувства. В нашей стране противоестественно требовать любви к Сталину – но необходимо требовать признания его фактом истории, понимания его как факта истории и уважения – как закономерного явления, определенного этапа развития. Я пишу это, ненавидя Сталина как человека, ибо могу рассказать не только о войне, но и о тридцатых и пятидесятых годах много такого, о чем не писали у нас даже в самом яром угаре перестройки.

Но личные трагедии и чудовищные зверства не отменяют бесспорного факта создания качественно новой и при этом более справедливой и более гуманной цивилизации (контуженным демократической пропагандой «жертвам Фурсенко» для понимания этого достаточно сопоставить озверение 20-х годов и террора времен первой русской революции с нормами жизни советского общества 60-80-х годов), как не отменяют и факта полностью искусственного, но успешного индуцирования вроде бы полностью израсходованной общественной пассионарности, которую не удавалось потом загасить на протяжении целого застойного поколения.

Осознание технологий общественного развития, во многом стихийно, а может быть, и случайно нащупанных тогда, позволит применить их и сейчас, после оздоровления государства. Осознание этих технологий позволит применить их уже без ненужных жертв и без разрушения инициативы, в первую очередь управленческой, являющейся главным преступлением Сталина, если смотреть из сегодняшнего времени, – или неудачей, если смотреть из времен его жизни.

Не будем забывать, что Сталин был неправ хотя бы потому, что созданная им система породила Горбачева.

Вымарывание Сталина из истории нашей страны неразрывно связано с другой попыткой, вышедшей на поверхность официальной пропаганды в преддверии 65-й годовщины Великой Победы, – подменить советский миф (то есть стандарт общественного сознания) о войне, то есть о торжестве справедливости через жертвы и страдания, новым, гламурным мифом об одной лишь Победе, а именно о получении результата как такового сразу, без усилий.

Прежде всего, это отражает современное мироощущение, современное сознание целой страны «эффективных менеджеров». Видя вблизи на протяжении вот уже скоро четверти века – жизни целого поколения – огромную массу коррупционных историй успеха, они считают результат в принципе не связанным с усилиями, – и, соответственно, полагают сам труд, не говоря уже о жертвах, ненужным, а часто и вредным предрассудком.

Во-вторых, подмена советского мифа о войне гламурным мифом об одной лишь Победе направлена на сознательное вытеснение из памяти, на организацию забвения колоссальных усилий государства по подготовке и ведению войны. Память об этих усилиях – пря-

² Подрабинеки – бывший диссидент, прославившийся провозглашением в качестве героев «своей страны» бандеровцев, литовских «лесных братьев» и чеченских бандитов – всех, воевавших с Советской армией в годы Великой Отечественной войны. Он не включил в список этих героев даже власовцев – вероятно, потому, что они прилагали все усилия для недопущения братоубийственных столкновений с Советской армией.

мое оскорбление нынешнему коррупционному государству, ибо оно разрушает все, к чему прикасается, а при Сталине как раз была эпоха тотального созидания (и следует говорить о тоталитаризме еще и в этом смысле: созидали все вокруг, тотально). Кроме того, простое описание работы государства перед войной, во время и после нее поневоле вселяет ужас. Становится ясно, что ни на что подобное нынешнее коррупционное государство не способно ни по своим моральным, ни по интеллектуальным, ни по административным качествам.

Значит, чтобы не пугать людей и не оскорблять себя, бюрократии надо переключить общественное внимание с «войны» в целом на ее завершение, на одну лишь «победу», заменив один миф другим, кастрированным.

Вымарывание Сталина из истории не выхолостит память о Победе, потому что умирающей клептократии не удастся ничего. Чем больше, чем усердней будут вымарывать Сталина из истории, тем сильнее они сами будут поднимать ветер, развеивающий кучи мусора, нанесенного, по его словам, на его могилу. Другое дело, что заметная часть этого мусора принесена вполне заслуженно, но она как раз и останется.

Для национального самосознания Сталин, как это ни кощунственно для людей старшего возраста и родственников репрессированных, все больше превращается в аналог грузинского Давида Строителя. Был вторым Иваном Грозным, становится – Созидающим Хозяином. И за воспоминанием о нем придет его подобие, более гуманное и более эффективное (ибо оно будет воспитано не адом гражданской войны, но более человечными обстоятельствами) – подобие, которое уже не менее пяти лет исступленно и бессознательно призывает российское общество. Ибо внесистемное развитие, сметающее все преграды, – это и есть Сталин. А мечты в нашей стране испокон веков наказуются исполнением.

Справка

Немцы согласны: России нужен музей Сталина!

На юбилейном X «Петербургском диалоге» в Екатеринбурге было высказано предложение создать музей на знаменитой «ближней даче» Сталина в Кунцево.

Российско-германский дискуссионный форум представителей общественности двух стран «Петербургский диалог» находится под патронажем руководителей России и Германии, которые участвуют в его заседаниях. Он был создан по инициативе Путина и Шрёдера по образцу германо-британских «Кёнигсвинтерских конференций». Встречи проводятся ежегодно с весны 2001 года, по очереди в России и Германии.

В ходе обсуждения новых направлений российско-германского сотрудничества на молодежной секции форума представителем России³ было выдвинуто предложение создать музей на «ближней даче» Сталина. При этом в жесткой форме было оговорено, что такой музей не должен служить инструментом разрушения российской идентичности путем приравнивания Сталина к Гитлеру или тем более продвижения известной либеральной парадигмы «Сталин хуже Гитлера».

Хотя на этой же секции немецкая делегация встретила буквально в штывы вполне невинное предложение о создании в Интернете сайта, позволяющего поиграть в альтернативную историю⁴ (и посмотреть,

³ М. Г. Делягин. – *Прим. авт.*

⁴ Это тем более забавно, что, как выяснилось тогда же, прямо в ходе обсуждения, аналогичная компьютерная игра

например, как развивалась бы Германия, если бы не было Холокоста), данное предложение не только не вызвало возражений, но и было поддержано.

Действительно: в Германии есть музей ставки Гитлера в Берхтесгадене, и отсутствие подобного музея в России воспринимается как признак отставания в деле осознания своего трагического прошлого и как индикатор неразвитости общества. Конечно, германская сторона воспринимает Сталина как тирана, но сохранение памяти о нем и о его эпохе считается необходимым, в том числе чтобы не повторять ошибок и преступлений того времени. Престарелый внук Риббентропа, посетивший Москву в начале 2010 года, был до слез растроган тем, что русские не только не проявили по отношению к нему никакой враждебности, но даже в порядке исключения разрешили посетить «ближнюю дачу» Сталина, закрытую для граждан России.

Поддержка немецкой стороны привела к тому, что на пленарном заседании (правда, до приезда Медведева и Меркель, в присутствии лишь первого вице-премьера Зубкова) предложение о создании музея на «ближней даче» Сталина было озвучено среди других предложений.

Музей на «ближней даче» Сталина (или в ином месте) необходим современной России прежде всего в силу исключительной актуальности этой исторической фигуры.

В сегодняшней России Сталин является живым обвинением правящей клептократии в коррупции, разврате, безделье и смертельной для нее угрозой возмездия.

Будучи символом внесистемного (и потому иногда ужасного по своим проявлениям) достижения справедливости и обеспечения развития, Сталин воспринимается основной массой населения России как хотя и пугающая, но единственно возможная сегодня позитивная альтернатива сегодняшнему тотальному разложению.

«Я не хотел бы агитировать за террор 1937 года, но, похоже, наши руководители никакого другого языка уже просто не понимают», – сказал тишайший и интеллигентнейший сотрудник одного из российских министерств на конференции, посвященной борьбе с коррупцией.

А представители среднего класса, даже московского, все больше связывают надежды на будущее страны именно с появлением в политике некоего современного аналога Сталина, объясняя свою позицию примерно так: «Да, мне и моей семье придется туго, может быть, я даже погибну, но мой народ не будет уничтожен обезумевшим ворьем, страна сохранится и будет развиваться, а мои дети получают внятную перспективу».

Именно поэтому Сталина до сих пор, через 58 лет после смерти, смертельно боится правящая и владеющая Россией клептократия.

Именно поэтому лично честный первый вице-премьер правительства Зубков побоялся повторить предложение о создании музея на «ближней даче» в присутствии Медведева и Меркель.

Именно поэтому музей Сталина будет.

давно разработана американскими специалистами и давно продается как в Германии, так и в России. Для понимания современного европейского сознания существенно, что констатация этого факта нисколько не изменила иррационально враждебного отношения представителей немецкой делегации к описанному предложению. – *Прим. авт.*

Помни войну!

*Помни войну, пусть далека она и туманна.
Годы идут, командиры уходят в запас.
Помни войну! Это, право же, вовсе не странно —
Помнить все то, что когда-то касалось всех нас.*

Юрий Визбор

Сталин неразрывно спаян в общественном сознании с двумя страшными событиями: террором и Великой Отечественной войной.

22 июня – это самый страшный день в году. Начало войны. Событие, которое всегда будет в памяти страны.

До сих пор, когда в наших семьях говорится просто «война», ни у кого не возникает вопрос, о какой именно из войн идет речь.

Великая Отечественная война – как добавляли в первые десятилетия после ее завершения, «советского народа», чтобы с повышенной надежностью отличить от Отечественной войны 1812 года, – была страшным, кошмарным ужасом, который окончательно создал, выковал советскую цивилизацию.

На войне, на памяти о подвиге советского народа и по сей день стоит вся наша сегодняшняя идентичность. Именно поэтому она является главной целью атак самых разнообразных переписывателей истории.

С одной стороны, это зарубежные и отечественные представители либерального лагеря, для которых, насколько можно судить по их действиям и заявлениям, России не должно быть вообще. Их атаки весьма последовательно направлены на уничтожение нашей идентичности, на превращение России в пыль, в порошок, в гниющий заживо клубок маленьких недоэстоний.

С другой стороны, историю нашей страны тщатся переписать разного рода лжепатриоты, обычно официальные, аллилуйшики всех мастей, которые не хотят думать о плохом, считают, что мы всегда правы, и верят, что, раз мы это мы, то у нас все и всегда хорошо. И любой человек, который думает, что в России когда-то были какие-то проблемы, для них изменник Родины, как это сейчас модно говорить среди представителей «Единой России», и его нужно немедленно карать.

На самом деле эти разговоры отнюдь не безобидны: они тоже разрушают нашу идентичность, ибо история, лишенная трагического наполнения, рассыпается в пыль, точно с той же необратимостью уничтожая своих носителей, как история, лишенная национального и общественного достоинства.

На протяжении всей второй половины советской истории в общественном сознании доминировали воспоминания о войне. О победе выстраданной, заслуженной, выкупленной ценой чудовищных, страшных испытаний. Нечеловеческих испытаний, нечеловеческого ужаса, кромешного отчаяния, давящей безысходности, потрясающе переданной Гроссманом в «Жизни и судьбе».

В этом отношении очень хорош фильм «Белорусский вокзал». Весь фильм, кроме начала – ужас и кошмар. И только последние 10 минут – катарсис.

Так вот, память о войне – это победа только последние 10 минут. Когда же теперь начинают говорить не о войне, а только о победе, то тем самым по умолчанию отбрасывается, убирается из поля зрения главное в этой победе – ее цена.

Та цена, о которой всю вторую половину существования советской власти заклинали словами Роберта Рождественского: «Пожалуйста, помните», теперь становится слишком

неуютной, неудобной, неpolitкорректной, и ее начинают стараться забыть, искусственно фокусируя внимание только на результате – на Победе.

И тем самым из памяти вымарывается то, что за победу приходится платить.

Либералы, в том числе унаследовавшие гитлеровские подходы к нашей стране, заразили общество отрицанием формулы «мы за ценой не постоим», а ведь вопрос стоял о выживании, о сохранении или уничтожении нашего народа – в таких ситуациях действительно вопрос о цене как минимум неадекватен.

Но, с другой стороны, эта формула очень емко и честно выражает самое страшное, что есть в нашей исторической памяти.

И, если мы поддадимся мягкой пропаганде правящей бюрократии и начнем забывать об этой цене, мы довольно быстро оскопим себя, лишим себя своей истории, памяти о ней и превратим память о войне, историю своего народа в красиво обернутую жвачку для офисного планктона.

Именно в этом, насколько можно судить, состоит цель большей части официальной пропаганды, направленной на то, чтобы люди забыли войну и помнили только победу, которая неизвестно откуда свалилась. Поэтому то, что празднование 9 Мая 2010 года периодически приобретало характер истерики, а не памяти, – очень опасно.

И с этой точки зрения день 22 июня не менее, а может быть, и более значим, чем 9 Мая. День Победы – это «праздник со слезами на глазах». Слезы высыхают, потому что помнящие войну люди уходят, и, чтобы не забыть эти слезы, мы должны помнить и чтить 22 июня. Это самая страшная страница в истории нашей страны, которая сейчас подвергается удвоенной по силе атаке разного рода фальсификаторов истории.

Рассматривая начало войны – как, впрочем, и всю нашу историю, – нужно отделять от явных фальшивок стыдные моменты, которые при Советском Союзе замалчивались, но которые имели место.

Что именно замалчивалось, но соответствует действительности? Вероятно, то, о чем начал писать Виктор Суворов (он же Резун): наша подготовка к наступательной, а не оборонительной войне.

Писатель Суворов – феерическая фигура. Только предельно наивный или предельно недобросовестный человек может думать, что офицер разведки, перебежавший на другую сторону (или завербованный и вынужденный уйти под страхом разоблачения), может быть независимым исследователем.

Когда его с придыханием называют «самым независимым историком современности», невольно вспоминается, что в свое время Гитлер успел походить в гуманистах и миротворцах.

Суворов, безусловно, выдающийся историк, но нельзя забывать, что он работал и работает в рамках информационной спецоперации, причем такой, которая сама себя переиграла и подорвала.

И это живая иллюстрация того, почему на спецоперациях нельзя строить политику, почему они всегда останутся вспомогательным инструментом. Не потому, что это аморально – хотя это аморально, – но в первую очередь потому, что долгосрочные спецоперации, как правило, в силу самой своей природы приводят к противоположному результату...

Смысл спецоперации, в которой использовали Суворова, прост. Советская идентичность начала 1990-х годов, да и до сих пор – другой в нашей обществе нет, – базируется на трех краеугольных камнях. Первый – это память о Великой Октябрьской социалистической революции, которой прикрывалась память о кромешном ужасе гражданской войны. Это была память, которая действительно создавала идентичность своей трагичностью и последующим катарсисом. Только память о катарсисе по-настоящему крепка; без трагедии нет идентичности.

В начале 1990-х память о революции была разрушена демократической пропагандой. Появились лубки, не имеющие отношения к реальной истории, типа «Россия, которую мы потеряли», создававшие впечатление, что царская Россия была раем земным и уж конечно не сгнила сама.

Сейчас уже все, кроме официальных пропагандистов, ненавидящих тогдашний протест из страха перед протестом нынешним, понимают, что царская Россия не является образцом для подражания хотя бы потому, что покончила жизнь политическим и системным, по сути дела цивилизационным, самоубийством.

Третий краеугольный камень советской идентичности – полет Гагарина, его знаменитая улыбка. Но это счастье чистое, радостное, без трагедии – и потому память о нем не очень прочна.

Итог: в начале 1990-х (как, собственно, и сейчас) основой советской идентичности была (и остается) память о войне.

А ведь для уничтожения противника в глобальной конкуренции мало его победить, мало захватить его ресурсы, его территорию, мало вдолбить ему в голову идеологический бред. Это все проходит.

Есть лишь один способ одержать по-настоящему прочную победу: разрушить идентичность противника. Только тогда, когда славяне, которые живут на определенной территории, начнут абсолютно искренне считать себя немцами-пруссакими, – только тогда будет достигнута окончательная победа.

Глобальная, цивилизационная конкуренция сегодня – это борьба не за рынок сбыта мобильных телефонов или даже нефти. Это борьба на уничтожение национальной идентичности.

А для того чтобы уничтожить **нашу** идентичность, нужно было прежде всего разрушить определяющий ее народный миф о войне.

Вероятно, английские специалисты решили, что идеальным будет написать книгу – может, Суворов им сам подсказал идею – о том, что Советский Союз готовился к нападению и вообще сам был агрессором. И, как вбивают нам в головы сейчас наши некоторые либералы, «Сталин хуже Гитлера» – или, по крайней мере, равнозначен ему.

Кстати, отсутствие между ними разницы стало уже официальной позицией Европы, а «Сталин хуже Гитлера» – не более чем следующий шаг по дороге, по которой евробюрократия идет полным ходом. В конце концов Гитлер же для них почти свой – какой-никакой, а европеец и, более того, практически предтеча Европейского союза.

И вот была разработана специальная операция, и Суворов ее прекрасно осуществил. У него великолепный слог, прекрасный стиль, много фактуры. Очень много искажений и вранья по мелочам, причем со временем, от книжки к книжке, масштаб этого вранья нарастает, качество аргументов падает, и их все более, как у какой-нибудь Латыниной, заменяют хорошо срежиссированные эмоции. Но это не всегда заметно, и в целом читатель проглатывает и усваивает написанное мгновенно.

Основная идея заключается в том, что Советский Союз готовился к наступательной, захватнической войне и ему просто не повезло, что Гитлер ударил первым.

Идея прекрасная, исполнение замечательное, но организаторы перехитрили сами себя. Они не учли одной мелочи: господин Суворов оказался поэтом и патриотом. Почитайте его ранние книжки – «Записки освободителя», «Аквариум», – это поэт, влюбленный в Советскую армию, хоть и изменник. Рядом с его описанием танковой атаки, пусть даже и на учениях, можно поставить разве что гоголевскую «птицу-тройку».

А любовь – это чувство, которое побеждает все. Конечно, кроме карьеры, как написано на центральной площади Томска напротив областной администрации.

И любовь – в данном случае к Советской армии, к Советской Родине – перемалывает любые предполагавшиеся и поставленные сверху задачи.

Ну, например, если вы любите женщину, вы вполне можете при этом говорить, что она уродина, дура, одна нога короче другой, что она плохо одевается и не имеет вкуса, – и все равно это будет признание в любви.

И первые книжки Суворова оказались именно таким признанием. Хотя он многое сознательно придумал и задача его была совершенно другая.

Наверное, он добросовестно выполнял поставленную его хозяевами задачу, но он – патриот. Специфический, изломанный, извращенный, но патриот. И его книжки на первом этапе, в 1994–1995 годах, вопреки замыслу организаторов спецоперации стали мощнейшим фактором реабилитации и формирования патриотического сознания.

Ведь целые стаи демократов наперебой объясняли нам, что Советский Союз готовился к войне, но все были идиотами, варварами и мерзавцами, и в результате гитлеровская Германия дошла до Москвы и могла бы пойти дальше. Мы знаем, что это так: в критический момент Сталин недаром очень долго ходил около поезда, думая – уехать или остаться, – и все-таки остался. Есть подозрение, что если бы он уехал, то Москву бы сдали. И мы могли бы проиграть и быть уничтоженными – и как страна, и как народ.

Но Германия ведь относительно плохо готовилась к войне. Это правда, что у них не было тяжелых танков, было не очень много современных самолетов, была старая артиллерия, слабая механизация и т. д. Советская пропаганда просто молчала про начальный период войны, но единственное объяснение, как говорили в 1941 году «драпа», заключалось в массовой фатальной глупости.

И когда мы поверили в клинический идотизм советского руководства, вдруг приходит Суворов – да, изменник Родины.

Но он говорит совсем не то, что обычные изменники. Он говорит: вы не идиоты, вы умнее всех, вы лучше всех. Вы были чудовищными жертвами, но создали великолепную, сверхэффективно работающую машину. Да, жестокую и негуманную, но слово «гуманизм» вообще не из того времени: самого этого понятия в практической политике, в том числе международной, тогда просто не существовало. А в России вырабатывали и реализовывали государственную политику исходя из гражданской войны, победившие тех, кто был еще более жестоким и бесчеловечным, – типа Троцкого и Бухарина.

И вот Суворов говорит: вы создали лучшую военную машину в мире. Да, эту машину сломали на первом этапе войны, но сломали, в общем-то, случайно. Вы в этом не виноваты, вы – лучшие и наследники лучших. Вы наследники чуда, которое было сотворено практически на пустом месте выдающимися усилиями, выдающейся волей, выдающимся интеллектом, выращенным руками в самых неприспособленных в мире для этого условиях.

Это был фактор резкого поднятия патриотического настроения. Потом ему, вероятно, указали, что вообще-то нехорошо бунтовать против хозяев, и он бросился исправлять ошибки, но базовая идея осталась в неприкосновенности, и она работает против замысла этой спецоперации.

Повторюсь: у Суворова масса переделок и прямой неправды в деталях, но в главном, по-видимому, он сказал правду⁵.

Мы ведь действительно готовились к наступательной войне – это хорошо помнят жившие тогда люди, – и заслуга Суворова в том, что он объяснил им их жизнь и этим объяснением закрыл их десятилетиями кровоточащие непониманием раны.

И я могу представить, почему Советский Союз опоздал с нанесением первого удара и в итоге стал жертвой.

⁵ Есть такие люди, которых нельзя посылать за пивом, но совершенно спокойно можно посылать за водкой.

Для начала войны при тогдашней технике нужна максимальная продолжительность светового дня. Это время примерно с 22 июня по 5 июля. У нас была плановая система экономики, и Сталин был руководителем-планировщиком, а в плановой системе любое действие делается в последний момент, потому что логика такой системы требует максимально тщательной подготовки. И поэтому Суворов, возможно, прав, когда пишет о планировании советского удара на 5 июля.

А вот Гитлер был руководителем совершенно иного плана. Это был политик-мистик, который мыслил символами и озарениями. А когда вы действуете вне логики, по наитию, в предвкушении чуда, вы совершаете желаемое в первый же подходящий момент, не утруждая себя слишком тщательной подготовкой.

И поэтому они плохо подготовились и ударили в первый же из наиболее удобных дней – в тот самый момент, когда огромная машина Советской армии была в наиболее уязвимом положении. Она выдвигалась на исходные позиции, и ее просто снесли. Это была «смерть на взлете».

И Суворов сказал нам простую вещь: граждане России, ваши отцы и деды не виноваты в том поражении. Ваша страна не виновата, народ не виноват. Ваше руководство, конечно, виновато, но не слишком и совсем не так, как вы думали. Вы все равно были лучшими, вы сделали еще одно чудо, о котором вы просто не знали, потому что вам запрещено было знать. А я вам рассказываю.

И вот это понимание, с моей точки зрения, нужно с соответствующим разъяснением изучать в школах, потому что это настоящий фактор патриотизма.

Ну что поделать, если мы такая страна, в которой главным либералом в свое время являлся Лаврентий Павлович Берия? В которой патриот, оказавший максимальное воздействие на формирование по-настоящему патриотического сознания и восхищения своей Родиной, – изменник этой самой Родины? У нас так бывает достаточно регулярно, начиная с Чадаева, и приходится просто принять это как некоторую данность.

* * *

Что у Суворова дальше? Дальше – причина бегства в 1941 году. Почему Красная армия бежала так панически? Суворов об этом говорит мельком, может быть, еще скажет.

Американцы очень скрупулезно изучали Советский Союз, причем с наибольшим вниманием – наиболее болезненные пункты его истории. В частности, при изучении бегства 1941 года их историки установили, что великолепно, до конца, до последней капли крови сражались подразделения, сформированные в городах. Даже народное ополчение, у которого порой и оружия-то толком не было, не говоря уже об умении и правильном командовании. Просто потому, что горожане успели после ужаса индустриализации и коллективизации за счет развития экономики ощутить резкое улучшение жизни. Сложилась перспектива, твердая, ясная и понятная, непрерывного улучшения быта – и горожанам было за что воевать. Поэтому даже в ситуации полной утраты управляемости, хаоса, ужаса, безумных ошибок командования, которое к обороне не готовилось вообще и вело изнурительные контратаки в лоб против качественно превосходящего противника, – даже в этой ситуации части, сформированные в городах, проявили себя замечательно.

Второе – воевали части, в которых была высока доля специалистов. Люди, имеющие образование, тоже имели внятную перспективу в советской действительности. Это артиллерия, танкисты, летчики, моряки.

Мало кто знает, например, что самое страшное танковое сражение было в 1941 году под Ельней, где немцев остановили. В советских школах этому не учили, а в отреформированных либералами, похоже, вообще ничему не учат⁶.

Поражение высокомотивированной Красной армии было вызвано разрушением инфраструктуры, дезорганизацией снабжения – танки остались без горючего и подвоза снарядов, превращаясь в братские могилы. Но пока было горючее, они воевали, и воевали великолепно. Тем более, что против немецких средних и легких танков даже Т-34 был почти неуязвимой машиной, что уж говорить про КВ: у немцев просто не было оружия, которое могло бы пробить их броню.

Сегодня либералы рассказывают про летчиков, которые бросали самолеты на аэродромах и бежали в тыл на грузовиках. Однако это не было дезертизмом с фронта: аэродромы оставались без снабжения, самолеты вырабатывали горючее, воевать было не на чем – и вот тогда летчиков, аэродромный персонал и имущество вывозили на грузовиках, уничтожив ставшие бесполезными самолеты.

Другая похожая ситуация: слишком тяжелую для лошадей артиллерию на механизированной тяге приходилось бросать, предварительно выведя из строя, когда она из-за разрушения тыла оставалась без горючего.

Кто же не воевал? Не воевала деревня, но это очень упрощенный ответ: тоже далеко не вся, между прочим.

Меня попросили недавно вести исторический проект – воспоминания россиян о своей жизни, о семейном быте в 1990-е годы⁷. Люди оставляют свои воспоминания, что-то мы находим сами – и вдруг выявился слой очень пожилых людей, которые пишут и рассказывают о своей жизни в целом. Одна женщина, описывая либерала-приватизатора, пришедшего к ним на завод, написала: «Ничего особенного, относился к нам, как фашисты во время оккупации относились». Она крестьянка. И, когда ее спрашивают о самом лучшем времени в ее жизни, она дает непредставимый ответ: называет время с 1938 года и до начала войны.

И это симптоматично: огромная часть нашей деревни к 1938 году оправилась от коллективизации. Террор закончился, началось хозяйствование. Наладились рыночные отношения – пусть даже с придавленными ценами, так как за счет работы и дефицита еды можно было нормально торговать на рынке и хорошо зарабатывать. Появилась четкая внятная перспектива, и деревня начала вставать на ноги.

Да, конечно, далеко не вся. Потому что даже в моем родном Подмосковье аж до шестидесятых годов в некоторых местах пахали ручными плугами. Во многих местах в Рязанской области света не было до 1970-х, радио проводили в 1960-х. А в масштабах всего Советского Союза колхозникам закончили выдавать паспорта аж в 1981 году, уже после Олимпиады (хотели закончить к Олимпиаде, да не успели).

Однако, несмотря на все это, во многих плодородных местах люди увидели хорошую, красивую, правильную перспективу – и уже в 1938 году им, как и горожанам, было за что сражаться. Это еще одна причина, по которой Сталин тянул с началом войны: каждый год мирной жизни давал не только дополнительные мощности военной промышленности и обученных офицеров, он давал главное – растущий патриотизм населения страны. Каждый год обеспечивал государству все больше лояльных людей. В 1939 году горожане, может быть, и не воевали бы, а в 1945 году воевала бы уже почти вся деревня.

Однако в 1941 году основная часть деревни слишком явно и слишком страшно помнила коллективизацию и не смогла наладить текущий быт. И она просто не воевала.

⁶ Классической стала фраза ректора одного из лучших московских вузов, который охарактеризовал качество поступивших к нему по баллам ЕГЭ студентов следующим образом: «Многим выпускникам нельзя дать высшего образования, потому что у них нет среднего».

⁷ www.90-e.info. — Прим. авт.

Разоренным, раскулаченным – им просто не за кого было воевать в нашей стране.

Это легко понять: представьте себе, что война сейчас начнется. Кто будет воевать за чубайсов, гозманов и абрамовичей, если война, конечно, не будет носить характера геноцида по этническому признаку, который мы видели в первой половине девяностых? Никто не будет. Положат оружие и разойдутся – кроме, конечно, отдельных героев, которые есть всегда и большинства никогда не составляют.

При этом нужно понимать, что война принципиально отличалась от недавней финской, в которой те же самые крестьяне, колхозники показали абсолютный массовый героизм. Финская война была наступательной, а в такой войне дезертировать практически нельзя: нужно бежать к противнику впереди собственной армии и еще и ей в плен не попасться. В отступлении, да еще в ситуации, когда нет фронта, – совершенно иное дело.

У нас же даже в октябре 1941 года под Москвой не было фронта. Стандартный образ того времени – «немецкие десанты» на мотоциклах – не были десантами: мотоциклы не сбрасывали с парашютами. Это были просто передовые разъезды армии: они ехали себе и ехали до самых окраин Москвы.

В оборонительной войне, в отступлении не воевать просто – положил оружие и отошел на полкилометра в сторону. И это одна из причин, почему было такое количество пленных и почему они так чудовищно погибали. Это самые страшные мемуары – причем их не так много, потому что большинство людей погибло, – о том, как пленных просто сгоняли на поле, огораживали его по периметру колючей проволокой, ставили вышки с пулеметом, и все. И есть можно было только то, что на этом поле, под ногами, растет.

Большинство воспоминаний такого рода, которые я читал, – о том, как люди ели кормовую свеклу, которую выкапывали руками. Потому что ее можно некоторое время есть – и шанс выжить становился больше. А если это было поле пшеницы, например, то люди вымирали почти сразу. Немцы не были готовы к такому количеству пленных, да и в принципе их судьбой не интересовались. Они очень сильно недооценили численность Красной армии, не знали, что перед ними такие людские массы, и не задумывались о возможности такого количества пленных – деморализованных, испуганных, находившихся в состоянии ступора, паники. Потому что много людей было необученных, а многих учили вести только наступательную войну.

И эти людские массы сгоняли с дороги, чтобы они не мешали. Где-то их расстреливали сразу. Где-то сгоняли в лагеря, а дальше все происходило просто.

В чем отличие советского порядка от немецкого? Любой советский руководитель твердо знает, что план условен. Да, официально это закон и норма жизни, но если план не предусматривает чего-то происходящего, на это происходящее необходимо быстро и инициативно реагировать, иначе будет плохо. Немецкий же руководитель действует совершенно по-другому: у него есть список обязанностей, и ничего, кроме этих обязанностей, он выполнять не будет.

Поэтому, если крупная советская часть видит лагерь даже немецких военнопленных, которым нечего есть, командир понимает, что кто-то чего-то не предусмотрел, это нормальная штатная ситуация, так бывает, – и в итоге пленных покормят, хотя бы из страха командира перед некими неясными ему самому, но более чем возможными обвинениями.

У немцев все по-другому. У командира крупной части нет приказа кормить пленных, потому что никто не думал, что их окажется столько, и он проведет свою часть мимо... И никто не будет их кормить, потому что это не предусмотрено, – и поэтому люди умирали в этих лагерях как минимум сотнями тысяч человек. Это реальность. И поэтому довольно многим удалось убежать, когда они понимали, что их ждет уничтожение даже не потому, что их хотят убить, а потому, что они просто не предусмотрены.

А люди, хлебнувшие жизни на территориях, оккупированных немцами, били потом немцев жестче и дольше всех – подобно тому, как пожившие последние двадцать лет под либералами ненавидят их сильнее любого сталиниста конца восьмидесятых.

Почему произошел перелом под Москвой? Немецкая военная машина выдохлась, размытая массовым героизмом тех, кто вопреки всему продолжал сражаться. А с другой стороны – и это главное – никто не мог предвидеть, что в кратчайшие сроки в понесшем тяжчайшее военное поражение и дезорганизованном Советском Союзе удастся перебросить на Урал и за Урал огромную часть промышленности и она будет работать практически на пустом месте.

Никто не мог представить себе, что люди будут работать на станках, стоящих в снегу, без стен и крыш, и жить рядом с этими станками в землянках, и при этом работать добросовестно и качественно, как никто и никогда не работает из страха и под принуждением!

Немцы не могли себе даже представить такой возможности.

Либералы, которые сегодня визжат, что Советский Союз держался на страхе, что все ненавидели Сталина и были готовы сдаться немцам, пытаются заставить нас забыть о реальном массовом героизме не только на фронте, но и в тылу. Они пытаются заставить нас забыть о том, что тыл работал не из-под палки, а из-за массового патриотизма и любви к Родине – какая есть.

Мы с трудом, но можем оценить подвиг тех, кто воевал. О подвиге же тех, кто работал в тылу, мемуаров написано очень мало.

Это тоже были чудовищные, непредставимые сегодня вещи. В том же самом Ленинграде кормили тех, кто воевал, а работающим на заводах, я не говорю про «иждивенцев», было на порядок хуже – если, конечно, не учитывать самоубийственные атаки, в которые периодически бросали солдат.

* * *

Существует чудовищный миф, который усиленно продвигается либеральными фундаменталистами всех мастей: о том, что война была выиграна благодаря заградительным отрядам.

Действительно, заградотряды существовали – как во всех воюющих армиях, как и у немцев. И в Гражданскую войну они были у многих воюющих сторон, хотя заградотряды Троцкого известны более всего. А если обратиться к истории, то еще у римлян имелось нечто подобное.

Заградотряды были различными. В самом начале войны были созданы заградительные отряды НКВД, которые боролись с диверсантами и шпионажем. Потому что количество диверсантов, заброшенных в наш тыл, было огромно. Либералы сейчас любят рассказывать, что, как только немцы напали, в тылу у Красной армии вспыхнуло стихийное массовое восстание красноармейцев, которые бросились воевать против своих командиров.

Это изящное искажение реальности: диверсантов, переодетых в красноармейскую форму, записывают в повстанцы. Но это обычный для либералов инструмент пропагандистской войны.

А потом, уже в сентябре 1941 года, были созданы армейские заградотряды, которые действительно должны были пресекать бегство.

Заградотряды были приданы СМЕРШу – сокращенное название организации «Смерть шпионам!» Они ловили дезертиров, паникеров, потерявших голову, отставших от своих частей. Да, они все проходили через проверку, только в основном это было не так, как теперь показывают в фильмах. Потому что более 90 % людей после этой проверки возвращались

в строй. Если уж, что называется, путались в показаниях – да, случались и зверства, и идиотизм, и расстрелы невинных.

Но, в конце концов, это военное время, а такое в условиях паники происходит везде и всегда.

Однако абсолютное большинство попавших в проверки СМЕРШа – на этот счет есть очень внятная и полная статистика – возвращалось на фронт. Так, из **более чем 650 тыс. военнослужащих, задержанных к 10 октября 1941 года (менее чем за месяц существования заградотрядов), после проверки были арестованы около 26 тыс. человек, среди которых особые отделы выделили: шпионов – 1505, диверсантов – 308, изменников – 2621, трусов и паникеров – 2643, дезертиров – 8772, распространителей провокационных слухов – 3987, самострельщиков – 1671, других – 4371 человек. Были расстреляны 10 201 человек. Более 632 тыс. человек, то есть более 96 % задержанных, вернулись на фронт.**

Да, были расстрелы перед строем: к 10 октября 1941 года так были расстреляны 3321 человек. Особенно там, где действовал «сталинский мясник» товарищ Жуков. Я всякий раз вздрагиваю, когда вижу его памятник, установленный перед Историческим музеем: большей исторической иронии, худшего черного юмора представить себе нельзя. Но Сталину был нужен кнут, и Жуков им стал, в этом была его функция.

В другой страшный момент войны, с 1 августа по 15 октября 1942 года, заградотрядами были задержаны 140 755 военнослужащих, «сбежавших с передовой линии фронта». Из них: арестовано – 3980, расстреляно – 1189, направлено в штрафные роты – 2776, в штрафные батальоны – 185, возвращено в свои части и на пересыльные пункты подавляющее число задержанных – 131 094 человек. Воевать дальше без какого-либо поражения в правах получило абсолютное большинство задержанных, покинувших передовую, – более 91 %.

Резюмируя: заградотряды действительно существовали, и их было больше, чем у противника, по крайней мере, на первом этапе войны. У фашистов, насколько могу судить, они появились после битвы под Москвой.

Но нужно четко понять, что война была выиграна не благодаря им.

Нельзя говорить, что миллионы советских людей совершали подвиги только потому, что Сталин был жесток. Помимо очевидной подлости, это еще и просто глупо.

Впрочем, либералы не чувствуют ни подлости, ни глупости.

Сейчас развернуто подлинное наступление на общественное сознание, подлинная кампания по переписыванию нашей истории, и центральной мишенью этого наступления является фигура Сталина. Основной целью либералов, насколько понимаю, является внедрение в общественное сознание тезиса о том, что Сталин хуже Гитлера.

* * *

Для меня оставалось загадкой, почему фигуру Сталина искусственно удерживают в повестке дня, пока ответ не дала известная либеральная журналистка Юлия Латынина. Описывая ужасы нашей сегодняшней жизни, она не раз заявляла: посмотрите, во всем этом виноват Сталин, это все создано Сталиным. Иногда потребность в повторении, подчеркивании, вбивании этой идеи в сознание читателей и слушателей была так велика, что вела даже к логическим разрывам. Так, в статье «Наследство Сталина: бессмысленное и беспощадное», опубликованной в «Ежедневном журнале» 12 мая 2005 года и во многом способствовавшей возвращению этой фигуры в центр общественных дискуссий, она после описания масштабов катастрофы начала войны вдруг, казалось бы, ни с того, ни с сего пишет: «Сталин дей-

ствительно основоположник всей той катастрофы, перед которой сейчас стоит Россия. Нечасто бывает так, что и человек давно умер, и режим давно рухнул, а катастрофа осталась».

Эта фраза – ключ к постоянному возвращению либералов к фигуре Сталина. Либералы просто-напросто нуждаются в оправдании!

Посмотрите, что они сотворили: чудовищные либеральные реформы девяностых годов уничтожили могущество и благосостояние нашей страны, нанесли демографический ущерб, производящий впечатление осознанного геноцида – в первую очередь русского, но далеко не только его. И либеральные социально-экономические реформы двухтысячных, насколько можно судить, – продолжение этого либерального геноцида, этой российской катастрофы.

В этом либералам нужно оправдаться, потому что результаты их деятельности и их пропаганды слишком заметны и слишком чудовищны. Кладбища в российских городах не спрячешь точно так же, как не спрячешь Освенцим.

И либералы нашли выход: они последовали примеру партократов советской эпохи, которые все сравнивали с 1913 годом. Я хорошо помню, как еще в конце семидесятых в школе, в которой я учился, педагоги в воспитательных беседах с нами иногда трактовали наше хулиганское или недобросовестное поведение как проявление «родимых пятен капитализма».

Беспомощные партократы, разрушавшие свою страну, гнившие заживо, использовали бездарного царя Николая II Кровавого как свое прикрытие и свое оправдание. Точно так же либералы понимают, что, сколько веревочке ни виться, кончику быть, и им придется отвечать за содеянные ими зверства, разрушения, жестокость, и пытаются использовать для своего оправдания фигуру Сталина.

Ведь какова формула современного российского либерализма? – «Разрешили врать и воровать и назвали это демократией и рынком». (Здесь исключительно важно и слово «разрешили»: оно многое проясняет в отношении российского народа к своему государству.)

Точно так же, как партократы оправдывались Николаем Вторым, нынешние либералы пытаются оправдываться Сталиным. Мол, это не мы разрушили страну, во всем виноват Сталин (примерно так же Ельцин когда-то изрек: «Во всем виноват Чубайс»).

Правда, Сталин страну сначала построил. Потому что мы живем в том, что построено либо при нем, либо по чертежам, которые при нем сделаны. После этого, к сожалению, принципиально новых вещей было создано удручающе мало. И здесь мы приходим к оценке его исторической роли и исторической вины.

В чем действительная вина Сталина? Ответ прост: в возможности появления после него таких людей, как Чубайс, Гайдар, Гозман.

Очень хорошо помню, как сам я в конце восьмидесятых, будучи совершенно бессмысленным либералом, вооруженным «Новым миром» и прочими «Огоньками», столкнулся с человеком, тогда уже очень пожилым, который участвовал в создании ГУЛАГа и сам в итоге в него и угодил.

И вот, владея всей информацией, этот ярый сталинист все мои жалкие юношеские демократические наскоки с фактами в руках разбивал в пыль, в нуль, в пустоту. Я даже не подозревал, что такое бывает. И он ввел меня в ощущение полной потери идентичности. Отчаявшись, говорю: «Хорошо, что же, получается, что Сталин был хороший? – я к тому моменту уже не мог говорить политкорректным научным языком. – Получается, что вся история моей семьи, многих других семей – это что, какие-то отдельные, выбивающиеся из этого потока случайные эпизоды? Лес рубят – щепки летят? Нетипичный случай? Так, что ли?»

И тут он пригорюнился и сказал: «Да нет, молодой человек, вообще-то вы, конечно, полностью правы, Сталин действительно был очень плохим. Только не потому, что вы сей-

час напели, это все ерунда, извините уж за резкое слово». И затем он произнес чеканную формулу: «Сталин плох потому, что созданная им система породила Горбачева».

Это мне сказали в 1988 году, более 20 лет назад, и это прозвучало как удар грома. С того времени прошло более половины моей жизни, а я помню до сих пор все складки скатерти, которой был накрыт стол, и узор паркета.

В конечном итоге, как показывает история, главное в созданной Сталиным системе – ее нежизнеспособность. Она начала сгнивать уже при его жизни. Коренной источник ее слабости – чрезмерная жестокость. Она была настолько высокой, настолько сильной и откровенной, а в отдельных моментах, в отдельных местах – настолько всеобщей, что разрушила жажду инициативы самого инициативного в мире народа. И разрушила жажду инициативы системы управления. Отбив вкус к инициативе, тем самым она отбила вкус и к развитию. Как только через несколько десятилетий после смерти Сталина был достигнут паритет в атомных вооружениях, как только доктрина гарантированного взаимного уничтожения обеспечила безопасность – система начала рассыпаться просто потому, что исчезла прямая явная угроза.

А почему Сталин был слишком жестоким? Откуда эта inferнальная жестокость в отдельные моменты? – из Гражданской войны. Мы не представляем себе степень ее жестокости. Жестокость Великой Отечественной – лишь ее отголосок.

Почему же Сталин не уходит в прошлое сегодня? Потому, что эту рану народную постоянно, со сладострастием, в корыстных целях, в поисках оправдания себе расчесывают либералы.

Но главная причина – абсолютная неэффективность нашей правящей бюрократии, на фоне которой Сталин действительно выглядит выдающимся творцом, гениальным стратегом, эффективным управленцем.

Как только появится руководитель, который начнет исполнять или хотя бы пытаться исполнять свои обязанности в полном объеме, фигура Сталина из повседневной жизни уйдет в учебник истории.

Но сегодня, когда люди видят, что действительно существовал человек, который, по совершенно справедливым словам Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой (пусть даже многие деревни оставались с сохой), и сделал вещи невозможные, – на фоне огромного количества руководителей, которые ничего не делают и только бесконечно трезвонят и болтают, Сталин превращается в идола.

Просто потому, что он достигал результатов.

И нас ждут большие неприятности, потому что наша история ведет нас к возвращению Сталина. Пусть и несколько более гуманного.

Что же такое Сталин для современности?

Это символ достижения справедливости – любыми средствами, без оглядки на любые нормы, включая нормы морали, и символ развития – тоже любыми средствами, без оглядки на любые институты и любые нормы.

И на самом деле это опыт потрясающий.

У нас часто говорят: ой, вы знаете, это невозможно, у нас очень усталое общество. Возражу: более усталого общества, чем наше после Гражданской войны, представить себе нельзя. Это было не просто усталое – это было изможденное общество. До конца двадцатых годов люди падали на улицах в корчах и конвульсиях, и это было нормально. Медики говорили: а, да, это контуженный, сейчас очухается. Или эпилептик, тоже очухается. А верующие говорили: вот пришли к человеку те, кого он убил.

Аркадий Гайдар (не путать с покойным реформатором) в детской книжке мельком написал: «Снились люди, убитые мной в детстве». Он в 16 лет командовал полком, и мало кто знает, что в 18 лет его лечили (и вылечили) от тяжелейшего психического расстройства. А в Хакасии его именем и именем его жены до сих пор пугают детей.

Сталин при всем своем зверстве победил людей, которые были намного более жестокими, чем он сам: Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева. Кстати, расстрелы в Красной армии ввел Троцкий и применял в значительно больших масштабах, чем Жуков, включая расстрел каждого десятого. Хотя Жуков применял это двадцать лет спустя, в несравненно более цивилизованном и несравненно более гуманистическом обществе, и поэтому шок от этих расстрелов был намного более страшным.

Феномен сталинской системы заключался в том, что в предельно изнуренном, измученном, измотанном обществе методами социальной инженерии в двадцатые годы была практически на пустом месте создана пассионарность.

Индуцирована.

Создана методами социальной инженерии, хотя такие слова и не произносились.

То есть наше сегодняшнее истощение и изнурение – это преодолимо. Вопрос – как, но это уже технологии, пусть и социальные. Вопрос в качестве управления.

Но это не гроб и не кладбище.

Мы стоим сегодня у порога не могилы нашего общества, но у порога новой дороги. Просто первые шаги по ней будут неприятными. В конце концов первые шаги, особенно если 20 лет валяться пьяным в канаве, неприятны всегда. И, как говорят китайцы, дорога в 10 тысяч ли начинается с первого шага. А мы говорим: дорогу осилит идущий.

Через несколько лет мы начнем наш путь. Мы возьмем из нашего прошлого то, что было хорошо, и оставим позади ужасы и ошибки. У нас есть история, на которой можно учиться, и мы выучимся, как бы ни мешали нам либеральные и официозные фальсификаторы истории. И, готовясь идти по этому пути, мы должны пристально взглянуться в главный день, главный момент истории нашего общества, освещающий ее всю и придающий ей смысл, – День Победы.

День Победы: в истории и в ее подтасовках

Майские праздники для нас – самые насыщенные радостными датами десять дней в году. Прежде всего, 1 Мая – Международный день солидарности трудящихся. 1 мая 1886 года рабочие чикагских боен объявили забастовку и потребовали восьмичасового рабочего дня, кончилось это через несколько дней плохо, но в день начала стачки, 1 мая, ничего грустного еще не случилось.

Поэтому через три с лишним года, в июле 1889 года, Парижский конгресс Второго Интернационала установил этот день в качестве праздника трудящихся всего мира, и впервые его отметили в 1890 году почти сразу во всех странах Европы. 120 лет назад, между прочим: совсем недавно, в 2010 году, у 1 Мая был юбилей, о котором не только все наше руководство, но и официальная зюгановская КПРФ предпочли тактично умолчать. Однако и сейчас этот день является государственным праздником в 66 странах мира – и даже в нашей.

Это удивительно, потому что в нашей стране в результате либеральных реформ труд как таковой стал, насколько можно судить, едва ли не позорным и постыдным занятием. Люди, которые честно работают, вызывают откровенно издевательское отношение, а государственная политика представляет собой прямое измывательство над ними. «Делом чести, доблести и героизма» в современной России благодаря усилиям либералов все больше становится отнюдь не труд, а спекуляция, воровство и коррупция.

Но, тем не менее, 1 Мая для нашего общества остается праздником, хотя и не очень понятно, что празднуют в этот день коррумпированная или просто бездельничающая часть нашего руководства. Правда, не могу исключить того, что они искренне считают свое воровство и безделье тяжким, сложным, высокопроизводительным и лишь потому высокооплачиваемым трудом. 5 мая в Советском Союзе отмечался День печати, потому что в этот день в 1912 году вышел первый номер главной газеты страны с оскорбительным, нестерпимым для нынешних либеральных реформаторов названием «Правда». До сих пор День печати празднуется в этот день в Белоруссии, а в нашей стране его сначала перенесли на какую-то «демократическую» дату, а потом прочно забыли. Учитывая надругательство над российскими медиа, осуществленное в девяностые годы олигархией, а в «тучные нулевые» – клептократией, праздновать этот день действительно странновато.

В мире с этой датой поступили значительно более разумно и бережно: чтобы не разрушать традицию совсем, а использовать ее инерцию в своих целях, решением Генеральной Ассамблеи ООН Всемирным днем свободной печати сделали 3 мая. Термин «печать» понимается здесь в широком смысле этого слова: как все средства массовой информации. Формальным поводом стало принятие 3 мая 1991 года в Намибии, в городе Виндхук, одноименной декларации по созданию и обеспечению независимости и плюрализма не какой-нибудь, а африканской печати.

Тогда за свободу печати боролись африканцы в Намибии, а сейчас, почти двадцать лет спустя, мы чешем в затылке и думаем: а есть ли нам что в России праздновать в этот день? И отличаемся ли мы от Африки почти 20-летней давности в лучшую или в худшую сторону?

Хотя, наверное, в России и по сей день есть много представителей средств массовой информации, которые свято убеждены в своей свободе.

7 мая был и остается Днем радио – потому, что в этот день в 1895 году великий инженер А. С. Попов осуществил первый сеанс радиосвязи (помимо юбилея 1 Мая, в 2010 году Россия не заметила еще одну почти «круглую» дату: 115-летнюю годовщину этого события).

Знаменитый Г. Маркони сделал это чуть позже. День радио установлен 7 мая именно в честь Попова. У Маркони другие достижения, и никто их на самом деле не оспаривает, но безусловный приоритет в этой сфере принадлежит нашей стране.

Справка

Принудительный загул

Отметим, что даже в самые радостные майские дни нельзя забывать, каким беспредельным цинизмом и, в конце концов, просто глупостью является официальное установление после Нового года декады беспросветного всероссийского запоя. В то же время в майские праздники, когда можно даже под дождем очень даже приятно погулять и, в конце концов, просто подышать свежим воздухом, – в эти праздники, которые самой природой предназначены для вольного отдыха (или труда на приусадебных участках), четыре дня нужно работать.

Это же просто бред – три дня выходных, потом четыре дня работаем, потом еще раз три дня отдыхаем и снова четыре дня работаем!

Из всего народа, из всей страны делают каких-то подопытных собак Павлова. И это отнюдь не бессмысленно: это издевательство, с моей точки зрения, как я покажу чуть ниже, всецело обусловлено интересами правящей тусовки.

Ведь единственная причина истощного отстаивания депутатами, особенно «Единой России», длинных именно зимних, а не весенних каникул, заключается, насколько можно судить, в их простом желании покататься на горных лыжах.

Напомню: это дорогой и сложный вид отдыха. Вероятно, за это его наша правящая тусовка и полюбила – за то, что абсолютному большинству населения некогда великой страны, искусственно удерживаемому этой тусовкой в нищете, этот отдых в принципе недоступен, и само занятие им автоматически причисляет соответствующего человека к «высшей касте».

И всей стране на протяжении вот уже нескольких лет подряд наглядно демонстрируется, что буквально несколько тысяч на всю страну человек, которые активно катаются на горных лыжах и используют для этого новогодние каникулы, являются более значимыми, более влиятельными, более важными для вроде бы российского государства, чем несколько десятков миллионов россиян, которые хотят отдыхать в майские каникулы даже при неустойчивой погоде.

Осознание этого циничного надругательства над нашей страной, над всем народом способно отравить любые праздники – как новогодние, так и майские.

И далеко не только автору этих строк.

Когда страна работает в противоестественном, с точки зрения нормального сознания, извращенном режиме, это портит ей – всей стране, всему народу – и Новый год, и Рождество, и старый Новый год, и даже Татьянин день, и все остальные праздники.

Люди, принимающие решения за нас и вместо нас в режиме для кого-то «суверенной», а для страны, насколько можно судить, все-таки «сувенирной» демократии, привыкли не обращать внимания на десятки миллионов россиян. Но пусть они хотя бы подумают о возможности перерастания вызванного их поведением беспредметного раздражения в жесткую, сфокусированную именно на них и потому вполне конкретную ненависть.

День Победы, 9 Мая, – это святой день нашей страны, когда стараются не работать даже люди, которые работают всегда.

Это главный в России праздник, потому что война была чудовищным, непредставимым сегодня ужасом.

Я знаю семьи, где до сих пор, уже в третьем поколении, о войне при посторонних просто не говорят. Родители что-то рассказывают детям, дети что-то рассказывают внукам, внуки что-то рассказывают правнукам – и до сих пор, со всеми смягчающими пересказами, это «что-то» связано с таким ужасом, что даже с близкими друзьями это не обсуждают.

Не потому, что в прошлом этих семей были какие-то позорные пятна, – ничего подобного. Просто пережитое их предками, и не только на фронте, но и в тылу, и не только в эвакуациях, было таковым, что до сих пор, спустя почти 70 лет, через три поколения, боль не утихла и душевные раны по-прежнему кровоточат.

И нельзя забывать, что именно война окончательно спланила нас в советский народ. Ярче всего это иллюстрирует отношение великой поэтессы Анны Ахматовой к идее переименования Ленинграда обратно в Санкт-Петербург.

Она страшно пострадала от советской власти: у нее был расстрелян первый муж, сидел второй муж, дважды сидел сын, великий историк Лев Гумилев, между лагерями прошедший почти всю войну и чудом оставшийся жив, – и это помимо жесточайших кампаний личной травли не только после, но и до войны! И советскую власть она, мягко говоря, не любила.

И вот после блокады, начало которой Ахматова еще застала (ее вывезли тяжелобольной, по личному указанию Сталина), она в частном разговоре произнесла потрясающую фразу о своем городе, с которым была связана вся ее жизнь и который стал частью ее личности: «Самые героические и самые страшные дни своей истории этот город пережил как Ленинград. Это имя и должно остаться...»⁸

9 Мая мы празднуем величайшую победу в истории нашей страны в том виде, в котором мы ее, эту свою страну, любим и знаем. И люди, которые говорят, что советская история не является российской, русской, хотят откреститься даже не от своего прошлого – они хотят откреститься прежде всего от самих себя.

Они добровольно и без всякого принуждения отказываются от своих родителей, от своих дедов и, по сути дела, расписываются если уж не в ненависти, то в сознательном самоотчуждении от своей страны и своих собственных предков. Это попросту стыдно. Это то, что в приличном обществе не принимается никогда, нигде и никем.

И 9 Мая – это день, который объединяет всех нормальных людей. Не только на постсоветском пространстве, но и за его пределами. Наверное, только в этот день весь мир становится по-настоящему единым.

Забывать войну, в том числе и ее аспекты, сегодня кажущиеся нам неприятными, – это значит забыть не родителей, не дедов: это значит забыть самих себя.

Помните, была такая повесть и хороший фильм по ней – «Я родом из детства»? Вот наш народ точно так же родом из Великой Отечественной войны. В третьем, в четвертом и в десятом поколении мы все равно будем родом оттуда.

И потому очень важно не допускать переписывания истории. Не расследования фактов – оно необходимо, потому что многого мы еще не знаем, – а разрушения самого историче-

⁸ Цит. по <http://www.x-libri.ru/elib/bushn002/00000157.htm>.

ского контекста, превращения палачей в жертв, агрессоров в «борцов за права человека» и наоборот.

Было ведь всякое. Например, сразу после войны Главная военная прокуратура установила, что подвига 28 героев-панфиловцев не было: журналисту приказали написать о подвиге, а он его придумал. Но другие-то бои были.

И то, что вот этого конкретного боя не оказалось, ничуть не уменьшает величия подвига участников других боев и других людей, которых либеральная пропаганда изо всех сил пытается превратить из героев в беспомощных безответных жертв. Они не то что во многом неизвестны и забыты – многие из них до сих пор еще не захоронены, и в этом отношении Великая Отечественная война еще не закончена.

Да что там «не захоронены» – у нас до сих пор не все города восстановлены после войны! у нас еще не все территории разминированы!

Ужас войны мы себе сегодня, даже после либеральных реформ, плаката «Русские, не ужасайтесь – нам нужны рабы!» в центре Грозного и чеченских войн, представить не можем.

И даже рассказы очевидцев, доходящие до нас, оказываются разными. Человеческая память устроена так, что ужас из нее вытесняется благодаря инстинкту самосохранения.

Да и самоцензура есть, не считая просто цензуры. Потому что, скажем, Сергей Смирнов, великий писатель-фронтовик, вернул в общественное сознание подвиг защитников Брестской крепости. Они с Константином Симоновым во многом восстановили общественную память о первом периоде войны, потому что в Советском Союзе было не принято писать об отступлении 1941 года, которое в его ходе участники называли просто «драпом». Да и об отступлении 1942 года, когда откатились до Сталинграда и Майкопа, и о провальной Харьковской операции, о чудовищной Ржевской мясорубке, о Крымской операции, о трагедиях финской войны, о других провалах было не принято писать. И мы о них до сих пор знаем непозволительно мало.

И во многом даже не общественную – народную память спасли стихи. Взять хотя бы одного только Симонова: «Тайпалеен-Йо–ки – холодная и быстрая река», «Я убит подо Ржевом», «Я помню в Вязьме старый дом, одну лишь ночь мы жили в нем», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», о провале наступления в Крыму в 1942 году – «А бомбы прямо и высоко, и, значит, лягут сзади нас»... Это огромное историческое деяние: поэт, по сути, сохранил память целого народа.

Мы должны помнить все, что было, – и хорошее, и плохое. Мы должны научиться оценивать свою жизнь и жизнь своего народа, не допуская ни клеветы на себя, ни самооплевывания, столь любезного либералам. Не справимся с этим – чем мы тогда будем отличаться от представителей демшизы, искренне считающих героями нашей страны бандеровцев, литовских «лесных братьев», чеченских бандитов и всех остальных, воевавших с Советской армией и с упоением бивших наш народ в спину?

А ведь это не просто говорилось в запале – это и по сей день говорится в нашей стране безнаказанно, с гордостью и всерьез, это и по сей день всей мощью либеральной пропаганды навязывается нашему народу, как едва ли не истина в последней инстанции.

И судей, сажающих россиян в тюрьму за неосторожно сказанное про полностью разложившихся начальничков слово, пропагандисты подобной мерзости последовательно защищают.

Для них свобода слова есть, и чем грязнее это слово, чем оно подлее – тем лучше. А тем, кто хочет жить в России, место, насколько можно судить, в тюрьме: их либералы открыто и с удовольствием, пьянея от безнаказанности, называют фашистами.

Удивительно, но ненависть к России, к своей стране превратилась в определенных социальных стратах просто в какое-то подобие психического заболевания. Не так давно в Берлине наши совсем не старые эмигранты с восторгом неопитов, делящихся открывшейся им истиной, с горящими глазами рассказывали мне о том, что, оказывается, советские солдаты во время освобождения Германии от фашистов голодали так, что ели друг друга, занимались каннибализмом!

Но что поминать утрату исторического чувства эмигрантами? Ведь иногда и мы сами проявляем поразительную невоспитанность в том, что касается этого праздника. Простой пример. 9 Мая по Красной площади в День Победы прошли войска армий стран НАТО.

Юридически в параде участвовали войска некоторых стран антигитлеровской коалиции: войска Соединенных Штатов, Великобритании и Франции, а также Польши и некоторых (но не всех!) стран СНГ. А вот Китая, скажем, почему-то не было, хотя он сыграл во Второй мировой войне огромную роль и понес колоссальные потери.

А главное, по Красной площади прошли именно действующие войска, а не ветераны, которые тогда воевали.

Если бы ветеранам было тяжело идти – их можно было б и в машинах провезти, чтобы они еще раз Москву посмотрели: ведь они сражались и за нас тоже.

А вот действующие войска НАТО совершенно не являются чем-то дружественным нам.

Мы прекрасно знаем, что после 1945 года эти войска совершали различные агрессивные и подчас зверские действия.

Роль, скажем, американских военных в разного рода событиях после войны совершенно чудовищна, и не надо судить о ней по сладким сказочкам вроде «Рэмбо»: едва ли не единственная правда в них заключается в том, что американские военные действительно убивали наших. Ведь многие из необъявленных войн велись, по сути дела, между нашей страной и Соединенными Штатами Америки.

С другой стороны, почти сразу же после того, как наша страна перестала быть сдерживающим фактором, НАТО возобновило войну даже в Европе. Достаточно вспомнить, как совершенно осознанно и откровенно «вбамбливали в каменный век» Югославию. Мы действительно рады видеть на Красной площади тех, кто это делал? А ведь эта страна была уничтожена, причем вполне целенаправленно, с сознательным демонстративным нарушением всех норм международного права.

Наши войска захватывали американскую технику у грузинских войск, которые в августе 2008 года попытались устроить геноцид мирного населения Южной Осетии, в том числе геноцид граждан России в Южной Осетии, и которые исподтишка убивали наших миротворцев.

И то, что Саакашвили имел политические и информационные гарантии со стороны тех же США, у меня лично, хотя юридических доказательств нет, сомнений не вызывает. Достаточно вспомнить, сколько времени в мировом эфире имел сразу после начала этой войны Саакашвили и сколько Медведев. Соотношение 90 к 10 – так бывает, когда показывают какого-нибудь террориста, и американское руководство, насколько можно понять, используя свое влияние на глобальные СМИ и глобальную повестку дня, поставило в положение террористов нашу страну, граждан которой пытались физически истребить.

Так что НАТО нам не друзья. Можно говорить о нейтралитете, можно говорить о замедлении, хотя и очевидно вынужденном, их распространения на восток, можно говорить даже

о сотрудничестве, но это военный блок, и он создан, чтобы убивать – убивать не кого-то там далекого и постороннего, а нас с вами.

Правда, стараниями нашего руководства войска НАТО не в первый раз проходят по Красной площади. В рамках международного военно-музыкального фестиваля по ней несколько раз проходили даже немцы, но музыканты, хоть и военные, и, кроме того, отнюдь не в День Победы.

К тому же немцы первый раз прошли по Красной площади еще в 1943 году. Мы все знаем, как военнопленных провели по Садовому кольцу 18 июля 1944 года, после освобождения Минска, но только старые москвичи, которых совсем немного, знают, что в первый раз их провели по центру Москвы в 1943-м.

Их провели, как и в 1944 году, чтобы показать: мы наконец побеждаем. Время было военное, меры безопасности чрезмерные и, насколько я понимаю, не сохранилось кино– и фотосъемки этого события. Но в народе память осталась. К сожалению, 9 Мая 2010 года ситуация сложилась немного другая. Это ведь не День города и не военно-музыкальный фестиваль – это День Победы. И по Красной площади прошли не ветераны и даже не музыканты: прошли с оружием действующие войска стран НАТО.

Понятно, что нет и не может быть никаких претензий по факту участия в параде Войска Польского: его летчики Югославию не бомбили, его инструкторы напавших на Южную Осетию фашистов не обучали, а в других захватнических операциях НАТО исполняли и исполняют роль сугубо второстепенную, вспомогательную (примерно как испанская «голубая дивизия» во время Великой Отечественной войны).

А в войну первые солдаты будущего Войска Польского сражались бок о бок с советскими, приняв первый бой в октябре 1943 года у деревни Ленино Могилевской области Белоруссии.

И очень обидно, что на параде по непонятным причинам не было, например, чехов, потому что они тоже воевали вместе с нами, и в составе Советской армии был сначала батальон, а потом и более крупные подразделения. Я мальчиком очень долго не мог поверить, что надо произносить «батальон Свободы», с ударением на первом слоге, по имени командира батальона Людвиг Свободы, – я был совершенно убежден, что это «батальон свободы».

Но Польша и Чехия – это одно, а войска ключевых стран НАТО 9 Мая на Красной площади, после Югославии и Ирака, – совсем другое. Наше неразумное, предельно недобросовестное и аморальное начальство опять поставило всю Россию в положение унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла.

Впрочем, сейчас это вновь становится модным – чего стоит хотя бы история с признанием Катини!

Справка

Катынь: Россия всегда виновата во всем

Очень сильно надеюсь, что будут рассекречены все, а не только некоторые материалы, и будет дана оценка подлинности того, что якобы рассекречивают сейчас. Потому что те документы, которые с такой помпой публикуют в настоящее время, были преданы огласке еще в начале 1990-х годов – и тогда же неполитизированные специалисты с гневом и недоумением говорили и писали о том, что эти документы являются разного рода фальшивками.

Более того, до сих пор остаются засекреченными результаты следствия Главной военной прокуратуры, которое было проведено сразу после войны. Тогда и неприятные вещи раскрывали вполне спокойно, вполне откровенно, – хотя и засекречивали потом. Сейчас пора опубликовать

главный документ по Катыни – результаты послевоенного расследования, которое велось «по горячим следам».

Кроме того, нужно получить ответы на вопросы, которые в рамках официальной версии просто не имеют ответа.

Первый вопрос содержится в дневниках Геббельса. Когда фашисты – задолго до нынешних либералов – начали истерику вокруг Катыни, он искренне сокрушался, что очень трудно пропагандировать советские зверства в ситуации, когда погибшие были убиты немецкими пулями. Об этом осталась запись в его дневнике (цит. по книге Деко А. Великие загадки XX века. – М.: Вече, 2006, стр. 289): «К несчастью, в Катыни были найдены немецкие боеприпасы». Однако значительно более важным документом, чем сетования главного пропагандиста гитлеровской Германии, является телеграмма начальника Главного управления пропаганды Хейнриха, посланная 3 мая 1943 года из Варшавы в Краков Главному административному советнику Вайнрауху. Телеграмма была снабжена строжайшим грифом: «Весьма важно. Немедленно». Она гласила: «Секретно. Часть польского Красного Креста вчера из Катыни возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы «Геко»» (так в тексте, переведенном капитаном Гришаевым. ГАРФ. ф. 7021, оп. 114, д. 38, л. 1, цит. по книге: Швед В. Н. Тайна Катыни. – М.: Алгоритм, 2007).

Как можно себе представить, что в 1940 году, в глухом тылу под Смоленском, а Западная Украина и Западная Белоруссия уже были присоединены, проклятое НКВД в предвкушении, так сказать, блицкрига, войны «малой кровью на чужой территории» расстреливало военнопленных и мирное население немецкими пулями из немецких пистолетов? Когда во всех остальных местах нормально использовали советское оружие? Что за бред?

А второй вопрос – это культурологические особенности применяемых технологий. Ведь национальная культура накладывает отпечаток на любые действия, в том числе и массовые убийства. Массовые убийства осуществлялись НКВД и другими советскими репрессивными органами совершенно по-иному, чем немцами. А, скажем, кампучийцы делали это по-другому. А китайцы четвертым способом, а американцы пятым и т. д.

Сразу опережу естественные вопросы: сотрудничество между репрессивными органами СССР и Германии, имевшее место до войны и сопровождавшееся передачей некоторых технологий, все равно к их унификации не привело: массовые убийства происходили по-разному.

Приношу извинения за тошнотворные подробности: я вынужден привести их по требованию редактора данной книги.

Немецкие палачи сгоняли обреченных в ров, расстреливали сверху и потом засыпали землей. Это надежный способ: если человек даже и не будет убит, он все равно умрет в могиле, засыпанный землей. При этом пулевое отверстие приходилось в голову.

Однако советские палачи применяли совершенно иную технологию: даже при массовых убийствах осужденных расстрел старались производить индивидуально, стреляя в первый шейный позвонок (естественно, если осужденный сопротивлялся, сделать это не удавалось, и тогда стреляли

в голову). В этом месте находится нервный узел, соединяющий мозг с телом, и при его разрушении (в отличие от обычного выстрела в голову) смерть наступает мгновенно и гарантированно⁹. Данная технология, скорее всего, была порождена тем, что во время ее формирования основная часть расстрелов производилась в камерах, а такой способ убийства существенно уменьшал кровотечение и тем самым упрощал уборку помещений. Кроме того, он позволял почти избежать мучений убиваемого (что, помимо прочего, сберегало психику палача и позволяло повысить его производительность).

По данным Генеральной военной прокуратуры, в местах расстрелов, гарантированно производимых НКВД (в Харькове и Медном, где расстреливали как советских граждан, так и поляков), 40 % выстрелов приходилось в голову, а 60 % – в шею. В 1943 году при эксгумации тел поляков в Катыни немцы зафиксировали качественно иной уровень этого же статистического показателя: 98,5 % людей было убито выстрелом в голову и лишь 1,5 % – в шею¹⁰.

Еще одна деталь: на телах расстрелянных в Катыни, насколько можно судить из некоторых сообщений, находят ценные личные вещи, которых у узников НКВД сохраниться не могло даже теоретически.

Может быть, там уничтожили колонну беженцев, может, еще что, а потом, узнав, что это случилось на месте старых расстрелов, решили устроить пропагандистское шоу. И тут их подвели их же собственные пули... Правда, ситуацию исправили демократы, решив для борьбы со своими политическими противниками повесить на нашу страну и на наш народ всех собак: и то, в чем виноваты, и то, в чем заведомо невиновны. Неслучайно ведь в документах, используемых для обвинения Советского Союза в катынском расстреле, специалистами-историками найдено не менее 43 признаков подделки, в результате чего даже ставший притчей во языцех из-за своей лояльности власти Басманный суд, рассматривавший это дело в апреле 2009 года, отказался признать фактом утверждение о том, что расстрел в Катыни был осуществлен по решению Политбюро ЦК ВКП(б)¹¹.

Не стоит забывать и о том, что в районе Катыни строили хорошо известный в тех местах бункер для Гитлера, а ведь хорошо известно, как немцы поступали со строителями совершенно секретных объектов, будь они русскими или поляками.

Насчет чувства единения здесь тоже присутствуют некоторые нюансы, потому что по факту официального признания катынского расстрела польское руководство, по всей видимости, через некоторое время предъявит России иски – на многие миллиарды долларов. Эта ситуация вполне очевидна: Россия является правопреемницей Советского Союза, и не только активов СССР, но и его пассивов, в том числе совершенных преступлений.

Другое дело, что подобных претензий поляки почему-то не предъявляют к немцам и ко многим другим. И нам придется, если такие иски будут поданы, подготовить и предъявить встречные – начиная с огромной бескорыстной поддержки, которые они получили от нашей страны в рамках

⁹ Ю. Мухин. Почерк палачей. <http://forum-msk.org/material/kompromat/3040341.html>.

¹⁰ Ю. Мухин. Почерк палачей. <http://forum-msk.org/material/kompromat/3040341.html>.

¹¹ Материалы круглого стола в Госдуме «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты» 19 апреля 2010 года, <http://forum-msk.org/material/kompromat/2980525.html>, <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/512239/cat/94/>; <http://forum-msk.org/material/power/4217737.html>.

Совета Экономической Взаимопомощи, и кончая возвратом территорий, которые они обрели благодаря Советскому Союзу. Это ведь не только две трети Восточной Пруссии, но и огромные западные земли.

Стоит также разъяснить им, что мы свою дорогу покаяния за преступления прошлого прошли, и теперь наступила их очередь – пусть покаются за десятки тысяч пленных красноармейцев, уничтоженных в польских концлагерях после «чуда на Висле» и прекращения советско-польской войны 1919–1921 годов.

Опускаться до этого, конечно, не хочется – это стиль либеральных фундаменталистов, но с каждым приходится говорить не на том языке, которым прилично или хочется говорить, а на том, который доступен собеседнику. И сейчас, когда против нас готовятся конкретные акции, направленные на пересмотр нашей истории и разрушение нашей идентичности, мы должны иметь в запасе достойный ответ всякого рода провокаторам. Чтобы они запомнили: тот, кто пытается обогатиться на грабеже русских, может выбирать исключительно между могилой и разорением.

Конечно, нужно восстанавливать историческую справедливость, нужно изучать, как развивались события в действительности, а не в воспаленном воображении разного рода подрабинеков. Пока результаты расследования Главной военной прокуратуры Советского Союза, проведенного после войны «по горячим следам», остаются частично закрыты, темы Катыни не должно существовать. Просто потому, что в отношении большинства расстрелянных в Катыни немецкие пули и немецкий способ убийства однозначно показывают, что это дело рук фашистов. Те же, кто предъявляет обвинения России, равно как и те, кто поспешно, ради шенгенской визы или чего-то другого признает эти обвинения, не только клеветает на свою страну, но и покрывает преступления немецко-фашистских захватчиков, выступая, по сути дела, на стороне Гитлера против собственных отцов и дедов.

Это совершенно не отменяет тему сталинских репрессий. Это страшная тема, потому что мы не знаем очень многого не только про войну, но и про террор; до сих пор одним из самых серьезных исторических свидетельств остаются художественные произведения вроде «Колымских тетрадей» Варлама Шаламова или (в части воздействия на сознание и быт интеллигенции) «Реквиема» Анны Ахматовой. Но, когда либеральные фундаменталисты забивают нам головы рассказами о том, что сталинские палачи истребили чуть ли не всех граждан СССР (более того: историк, заместитель председателя общества «Мемориал» Н. Петров, несмотря на наводящие вопросы потрясенной ведущей, настаивал в эфире «Эха Москвы» на том, что с июля 1937 года по ноябрь 1938 года было арестовано полтора миллиарда человек¹²), а вызванный коллективизацией голод был способом уничтожения украинцев по национальному признаку, – надо понимать: это лишь в самом лучшем случае бред сумасшедших...

Даже Совет Европы признал, что голодомор осуществлялся не по национальному признаку, не против украинцев, – так, в Поволжье от голода погибло больше, чем в Украине. Но когда надо оплевать свою страну,

¹² <http://echo.msk.ru/programs/staliname/677212-echo>.

авторитетом для либеральных фундаменталистов не является даже Запад, на котором для них встает солнце.

* * *

Одним из болезненных для нашей страны вопросов является причина резкого контраста успешного послевоенного развития побежденных стран, в первую очередь Германии, и очень трудного, тяжелого развития победившего Советского Союза.

Конечно, на нашу страну всей тяжестью легла «холодная война», начавшаяся вскоре после завершения Второй мировой войны. Сейчас уже документально установлено, что руководство США начало ее совершенно сознательно, стремясь конфронтацией с Советским Союзом остановить распространение его ценностей, крайне привлекательных в той ситуации для населения Запада и враждебных для его руководства. (*Не стоит* забывать, что именно для этого в другую историческую эпоху руководство Японии изобрело «проблему северных территорий».)

Однако помимо бремени военных расходов и политического напряжения, значительную роль играла и разница государственной политики Советского Союза и развитых стран Запада.

В частности, с демографической точки зрения дело заключалось в принципиальном отличии отношения к своему народу в нашей стране и в фашистской Германии.

Помимо прочего, там убивали чужих или тех, кого считали чужими, а у нас – своих. И вызванное этим внутреннее ожесточение общества отражалось на всем, в том числе и на демографической политике государства: стимулирование рождаемости было прежде всего связано с запретом аборт.

В Германии же к вопросу подошли как положено – комплексно. В частности, любой немецко-фашистский солдат получал регулярный отпуск с фронта домой. В каком бы пекле он ни находился, кроме окружения, он регулярно приезжал в отпуск, чтобы вспомнить, за что воюет. Соответственно, у него была возможность оставить потомство.

У нас же увольнение было редчайшей наградой, обычно отпуск давали по ранению. И до сих пор так – и в мирной армии отпуск является скорее наградой, чем нормой жизни.

У немцев не только дороги были лучше – у них была рациональной и продуманной вся демографическая и связанная с ней социальная политика. Ведь Веймарская республика двадцатых годов, из-за которой отчаявшаяся Германия дала власть Гитлеру, – это деградация, вымирание и отчаяние вполне в стиле сегодняшней России. И от этого вымирания и отчаяния они сумели очень быстро, почти мгновенно перейти к уверенному демографическому приросту.

Это очень важно: мы просто не знаем многих деталей внутреннего устройства немецкого общества того времени. А в нем существовала серьезная и весьма эффективная государственная политика поддержки рождаемости и весьма эффективной помощи матерям.

Омерзительная нацистская идеология и практика, абсолютно неприемлемые, антигуманные методы вроде фактического разрешения многоженства для эсэсовцев, чудовищные зверства, превращенные в норму жизни, не должны заслонять от нашего взгляда многое другое, доказавшее свою эффективность и нуждающееся как минимум в изучении, а во многом – и в заимствовании (естественно, без нацизма). Закрывать на эту потребность глаза – значит уподобляться сталинским палачам, бросавшим людей в лагеря за простое воспоминание о том, что в Германии хорошие дороги, а в деревнях каменные дома. В социальном плане, в плане социализма в фашистской Германии были найдены и вполне рациональные решения,

которые, в частности, обеспечили демографическое выживание немецкого общества после его поражения в войне.

А непосредственной причиной быстрого экономического восстановления после войны стала реализация плана Маршалла, по которому всю несоциалистическую часть Европы сразу после Второй мировой войны буквально залили американскими деньгами.

Огромные кредиты предоставлялись на развитие на льготных условиях в совершенно прозаичных, прагматических целях: чтобы коммунизм не прошел.

На самом деле для нас это страшная и постыдная страница истории, потому что у нашего руководства было понятное ожесточение к немцам, да и сама наша страна лежала в руинах, – и потому Восточной Германии Советский Союз и мог, и хотел помогать лишь ограниченно. Поэтому по отношению к ней проводилась жестко монетаристская, либеральная социально-экономическая политика в стиле господ Гайдара, Илларионова и прочих – примерно то, что у нас было в девяностых годах. А в Западной Германии проводилась политика кейнсианская, когда экономике предоставляются необходимые для развития средства, стимулируется спрос, на современной основе восстанавливается инфраструктура и т. д.

Положение Восточной Германии было усугублено тем, что 11 миллионов немцев, изгнанных из западных областей Польши и Чехословакии, первоначально легли тяжелым социальным бременем в основном именно на нее.

Между прочим, эти 11 миллионов являются примером самого массового насильственного переселения народов за всю историю человечества. Об этом неплохо было бы помнить тем, кто с пеной у рта обвиняет Сталина в переселении крымских татар, чеченцев и некоторых других народов Северного Кавказа.

После войны в цивилизованной и гуманистичной Европе происходили вещи, невозможные даже в сталинском Советском Союзе (что, конечно, ни в коем случае не оправдывает сталинские репрессии), кажущиеся беспросветной, невероятной дикостью и жестокостью.

В тиши́йшем Лихтени́штейне коллаборационистов, то есть сотрудничавших с гитлеровцами, в том числе порой во вполне безобидных формах, использовали для разминирования минных полей.

В нашей стране власовцы сидели 25 лет, а на деле часто меньше, и у нас до сих пор есть кое-где не разминированные со времен войны минные поля, но такого не было и, при всем ожесточении войны, такое не могло даже прийти в голову. Не буду говорить о других деталях – просто хочу зафиксировать, что мы должны понимать практику тех или иных даже зверств, исходя не из сегодняшней, а тогдашней картины мира и норм поведения, и понимать при этом серьезные культурные различия.

Даже в политике все ведь было очень зыбко, и на рубеже тридцатых и сороковых мы вполне могли оказаться в положении войны не с одной гитлеровской Германией, а со всей западной цивилизацией, включая Англию, Францию, США и Японию. И когда нашу страну обвиняют в отношениях с Гитлером и пакте Молотова-Риббентропа, давайте не будем забывать, что обвинения эти выдвигаются наследниками тех, кто долгие годы науськивал Гитлера на нашу страну и в блаженных мечтах грезил о нашей боли и наших трагедиях.

Не будем забывать, что прямой причиной пакта Молотова-Риббентропа был Мюнхенский сговор, в результате которого Англия и Франция пытались натравить Гитлера на нас «прямо сейчас», а тот решил взять паузу на захват ресурсов Франции, и это дало нам некоторую передышку...

Возвращаясь к Восточной Германии: из-за крайне нерационального хозяйствования, оборачивающегося социальными бедствиями, в июне 1953 года там вспыхнуло восстание: люди просто не могли больше жить, придавленные монетаристской политикой. Свою роль сыграла и денацификация, которая в Восточной Германии, в отличие от Западной, была про-

ведена весьма последовательно. В результате бывшие офицеры СС оказались интегрированы в рабочие коллективы, которые они в ряде случаев смогли подчинить своей воле.

В Западной же Германии денацификация была крайне ограниченной. Многие структуры фашистского государства были восстановлены практически без изменений – например разведка, – и это способствовало стабилизации как хозяйства, так и всего общества. Так, главный финансист Гитлера – Ялмар Шахт, полностью оправданный Нюрнбергским трибуналом, был главой собственного банкирского дома и умер девяностолетним, окруженный всеобщим уважением.

Надо сказать, что Советская армия при подавлении упомянутого восстания проявила мягкость и гуманизм. По всей стране было убито немногим более сорока человек, включая казненных по приговорам судов. Этот гуманизм признали не только представители американского, английского и французского государств, которые во многом стимулировали массовые протесты, но даже и западные немцы.

Подводя итог, следует зафиксировать: экономическое возрождение Западной Германии (да и Японии) из пепла войны было вызвано прежде всего тем, что США – главный выгодоприобретатель обеих мировых войн – очень серьезно вкладывались в них именно как в форпосты, противостоящие Советскому Союзу.

Существенно и то, что демократические институты в этих странах были насаждены американцами и, надо отдать должное, весьма способствовали развитию экономики. Кстати, американские гарнизоны до сих пор остаются на территории Японии и Германии.

* * *

Помня и отмечая самый святой наш праздник – День Победы – и понимая, что нам предстоит еще много узнать грустного и тяжелого про свою историю, мы должны учиться отделять неизбежную в условиях глобальной конкуренции клевету от действительно имевших место трагических событий.

Это нужно потому, что историческая память народа – основа его самоидентификации и, соответственно, его жизнестойкости.

Справка

«Переосмысление истории» – способ стирания РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАШИМИ КОНКУРЕНТАМИ

Выступление председателя партии «Родина: здравый смысл (РЗС)» Михаила Делягина на международной конференции по осмыслению военной и послевоенной истории. 11 июня 2010 года, Гамбург (Германия)

Уважаемые коллеги!

К сожалению, история является способом поиска и постижения истины только для ограниченного круга добросовестных и профессиональных ученых. Для общества в целом, не говоря о политиках, история есть главный инструмент работы с идентичностью – как своей, так и чужой. Это способ создания идентичности, ее трансформации, но и ее разрушения, ибо сегодня глобальная конкуренция ведется не для достижения военных или экономических побед: они могут быть признаны лишь промежуточными результатами.

Критерий отделения истории как науки от истории как пропаганды весьма прост: как только мы отказываемся оценивать исторические события исходя исключительно из правил и норм, – как писанных, так

и неписанных, – которые действовали в момент и в месте совершения этих событий, как только мы начинаем судить вчерашний день исходя из ценностей дня сегодняшнего, мы тем самым перестаем заниматься наукой и начинаем заниматься пропагандой, перестаем искать истину и начинаем трансформировать идентичность – свою или чужую.

Именно этот процесс идет сейчас в отношении нашей страны, нашего народа. Участники глобальной конкуренции осознали, что у побежденного мало забрать деньги и даже территории – он сможет возродиться и вернуть свое обратно. Единственной надежной гарантией победы в глобальной конкуренции является полное уничтожение побежденного.

Разумеется, не физическое: как показал прошлый пример попытки такого рода, предпринятой Гитлером, это слишком хлопотно и провоцирует слишком серьезное сопротивление.

Уничтожение побежденного сегодня – это уничтожение, стирание его идентичности, которое ведет либо к полному перевариванию побежденного, его ассимиляции (достаточно вспомнить славян, некогда населявших Пруссию), либо к его варваризации и надежному погружению в самоубийственный хаос (примеры – Югославия 90-х годов и современный Ирак).

Первый и главный шаг к уничтожению идентичности – переписывание истории, ее замена на унижающую побежденного, заставляющую его бесконечно каяться за все, в чем он виноват, и в особенности за то, в чем он прав.

Это именно то, что пытается сделать с Россией сегодняшний глобальный управляющий класс, «новые кочевники», и его многочисленная либеральная обслуга.

Сегодня российская идентичность в том виде, в котором она вообще существует, является советской: за два десятилетия разграбления и разложения страны никакой общей идентичности не было сформировано, и это естественно: у палачей, воров и их жертв в процессе грабежа и уничтожения просто не может сформироваться единая идентичность.

Поэтому попытки разрушения советской идентичности являются попытками уничтожения российской идентичности, попытками уничтожения самой России и именно так и воспринимаются современным российским обществом.

Ошибочно думать, что речь идет лишь о пересмотре трактовок и оценок; мы сплошь и рядом сталкиваемся с прямым и злонамеренным искажением давно уже доказанных и прочно вошедших в добросовестный научный оборот фактов.

Простой пример: я привык с величайшим уважением относиться к обществу «Мемориал». Хотя я не могу разделить их одностороннего, оскорбленного отношения к истории, я понимаю, что это отношение вызвано историческими же причинами, включая личные, и в определенной степени отражает если и не историческую, то социопсихологическую картину нашего общества. И вот на «Эхо Москвы», прославившемся тем, что приглашенный им эксперт по фондовому рынку обнаружил указанный рынок в Северной Корее и даже обещал публично продемонстрировать его котировки, выступает один из руководителей «Мемориала» и уверенно заявляет, что Сталин репрессировал полтора миллиарда человек – почти в

десять раз больше населения тогдашнего Советского Союза! Корреспондент искренне изумляется, она привыкла к другим показателям вроде 60 млн расстрелянных или 20 млн одномоментно сидевших в ГУЛАГе (что превышает реальность более чем на порядок), – однако руководитель «Мемориала» твердо называет полтора миллиарда репрессированных.

Детский вопрос: чего стоят остальные показатели, не говоря о причинно-следственных связях, описываемые этими скрывающимися под масками историков пропагандистами?

Еще в 2001 году я впервые услышал на серьезной международной конференции, кстати, из уст представителя Германии, тезис о том, что Россия-де никогда, ни разу за всю свою судьбу не сыграла в истории Европы никакой позитивной роли.

Даже здесь и сейчас нам в весьма профессиональном докладе пришлось выслушивать указания на пакт Молотова– Риббентропа без всякого указания на всецело обусловивший его Мюнхенский сговор! Коллеги, требовать от России покаяния без аналогичного требования в адрес остальных участников тогдашней политики, как минимум Франции и Великобритании, в лучшем случае недобросовестно, и историк – кстати, в отличие от пропагандиста, – не может этого не понимать.

Даже здесь и сейчас нам приходится в другом профессиональном докладе слышать исключительно о жертвенности, но никак не о героизме советского народа! Это прекрасно укладывается в общую тенденцию, является простой подготовкой заявлений разного рода латыниных о том, что русский человек может быть только жертвой, а никак не героем, а героем может быть лишь тот, кто убивает русского человека!

Самые разнообразные силы объединились сегодня в крестовом походе против нашей истории. В едином клокочущем потоке слились либеральные фундаменталисты, националисты и сепаратисты всех мастей, ненавидящие свою страну лжепатриоты и даже часть священников.

Последних, правда, понять легче, чем, например, пляшущих на костях своих предков лжепатриотов: начальный этап советской истории сопровождался репрессиями против религий, а завершающий – сдерживанием их развития. Однако и им неплохо было бы предложить отказаться от советского и даже конкретно сталинского наследия полностью, а не частично, и на деле, а не на словах. В конце концов, если революция – абсолютное зло, почему бы не вернуть руководство церкви в то состояние, в котором оно пребывало в благословенном для некоторых царизме, до революции, – в состоянии, по сути дела, департамента в составе Министерства юстиции? Минюст, уверен, возражать не станет...

Отрицающий советскую историю, в том числе и в силу ревности – по той причине, что она была внецерковной, – полностью лишает самого себя возможности понять эту историю, а также осознать ее центральное место – ключевой этап Второй мировой, Великую Отечественную войну. Для человека воцерковленного есть выход: он может с чистой совестью назвать победу советского народа (который, как и сейчас, хранит в себе Бога, но лишен церкви – хотя и по иной причине) «чудом», однако для человека, претендующего на познание мира, на логику, и тем более для исследователя, этот подход выглядит несколько странным.

Что поделать: оскпление естества мстит за себя всегда – не только в физиологии, но и в интеллектуальной сфере, и в исторической тоже.

Центральный тезис сегодняшнего переписывания истории – «Сталин хуже Гитлера». Его лживость очевидна: при всех своих недостатках и пороках сталинцы никогда не планировали уничтожение целых народов. Даже тех, кто прямо и открыто воевал с ними, бил их в спину, в массовом порядке переходил на сторону врага, – даже эти народы ссылали, но не пытались уничтожить, так что старые представители некоторых из этих народов прямо указывали, что высылка спасла их как народ от уничтожения в результате мести соседей.

Между тем гитлеровцы – и это доказано с безупречной юридической точностью – планировали полное уничтожение целых народов, и отнюдь не только еврейского: он просто был первым в списке...

Помимо общего стремления унижить наших отцов и дедов, лишить нас гордости за прошлое и тем самым разрушить идентичность нашего народа, тезис «Сталин хуже Гитлера» призван снять с либералов ответственность за кошмарную социально-экономическую политику последних 20 лет. Когда люди вроде Латыниной прямо и ясно указывают, что во всех сегодняшних бедах виноват Сталин, они точно так же перекладывают ответственность с себя и своих единомышленников на тех, кто не может ответить, как коммунисты валили все, что взбредет в голову, на царский режим. Еще в начале 1980-х в моей школе термин «родимые пятна капитализма» употреблялся без тени иронии – хотя капитализма не было уже три поколения. А советская статистика очень любила сравнивать все показатели с 1913 годом, валя плохое состояние сельского хозяйства на царя точно так же, как нынешние либералы валят плохое состояние страны на Сталина.

Мои родители – это мои родители, и никто, кроме меня и тех, кто общался с ними лично, не смеет давать им оценки. Я люблю и уважаю их такими, какими они создали меня и, не принимая их недостатки и трагедии, принимаю и признаю их в целом: это неотъемлемая часть меня. И я изучаю их недостатки не для того, чтобы пенять им тогда, когда уже ничего не поделать, а чтобы не дать им проявиться во мне в той или иной форме, ибо, как их сын, я к ним предрасположен.

Мне кажется, эту естественную позицию стоит распространить и на отношение к прошедшим поколениям в целом.

Однако нельзя не видеть, что Сталин быстро возвращается в центр внутрироссийской общественной дискуссии, – и истерика либералов отнюдь не является главной причиной этого возврата.

Фигура Сталина возвращается как реакция на массовое и часто откровенно наглое переписывание истории, на наше унижение, на навязывание нам вины за все, что можно и чего нельзя вообразить по принципу «Горе побежденным». И это серьезно: Россия не Германия, и, превращая ее в аналог Веймарской Германии, вы воскрешаете не Гитлера, но Сталина.

Но главная причина роста популярности Сталина – жгучий контраст с полным ничтожеством нынешнего руководства России и его откровенной враждебностью ее народу. Я знаю, что с высоты сегодняшних критериев, хотя это и не научный подход, Сталина нельзя назвать «эффективным

менеджером», однако почти все, что создано в нашей стране, почти все, в чем мы живем, создано при нем или по идеям, родившимся при нем.

Приход к власти в России нормального честного руководства, просто исполняющего свои обязанности перед обществом, вернет Сталина в историю со стандартным ярлычком *made in China*: «великий исторический деятель, на 70 % был прав, 30 % его действий было ошибками, и мы их мучительно исправляем». Но я боюсь, что приход к власти нормальных честных людей в созданной в нашей стране политической системе практически невозможен.

Непонимание современного состояния дел в России со стороны Запада потрясает. Даже в розданных нам вопросах употреблено выражение «освобождение от коммунизма». Позвольте проинформировать, что либеральные реформы обрушили уровень жизни основной массы россиян и сделали эту жизнь едва выносимой. В мире есть только два примера быстрого, за 20 лет, и при этом существенного сокращения среднего роста населения: в Северной Корее и в подвергающейся либеральным социально-экономическим реформам России.

И «освобождение от коммунизма» для российского общества все более и более означает освобождение от благосостояния, освобождение от безопасности, от здравоохранения, от образования – освобождение от нормальной человеческой жизни.

Холокост воспринимается как «еврейская катастрофа», 1945 год, как здесь говорилось, воспринимался немцами как «немецкая катастрофа», а «освобождение от коммунизма» стало началом российской катастрофы, продолжающейся намного дольше двух предыдущих катастроф – более 20 лет.

И эта российская, и прежде всего русская катастрофа настолько ужасна, что я бы не посоветовал представителям иных стран солидаризоваться с ее организаторами, пусть даже в форме ветхозаветных разговоров об «освобождении от коммунизма».

Потому что Россия беременна справедливостью.

Тот, кто действует, не понимая этого, обрекает ее на Сталина.

Выражаясь операционально, Сталин сегодня – это внесистемное, вненормативное и потому чудовищное установление справедливости и точно такое же – внесистемное и вненормативное – обеспечение развития.

При этом огромная часть российского общества, прекрасно понимая, что подобная справедливость и подобное развитие обойдутся им лично весьма дорого, уже сегодня полностью согласна на их осуществление, на возвращение Сталина, – ибо на фоне нынешних «урководителей» не видит никакого другого способа выживания страны и сохранения народа.

В утешение могу сказать лишь одно: жестокость Сталина, отбившая у народа и элиты способность к инициативе – из-за чего созданная им система и сгнила, – была вызвана inferнальной жестокостью Гражданской войны.

Предстоящий нам Сталин будет порождением значительно менее жестоких обстоятельств – и, соответственно, будет более гуманен сам, хотя в сегодняшней России это понравится далеко не всем.

И последнее.

Разница в историческом сознании русских и немцев весьма проста: немцы виноваты перед другими, в то время как мы виноваты перед собой,

ибо главными жертвами немецкого тоталитаризма были другие народы, а главной жертвой тоталитаризма советского был сам советский народ. Именно в этом заключается коренное, принципиальное отличие гитлеризма и сталинизма.

Поэтому Германия с гордостью считает себя отличницей в деле демократии, а мы смотрим на это с искренним недоумением, ибо не считаем себя школьниками, которым кто-то может выставять оценки.

Не учитывать эту разницу самооощений – значит сеять между народами рознь вместо взаимопонимания. А я бы очень не хотел, чтобы между нашими народами когда-нибудь еще снова возникла рознь.

ГКЧП: что это было и зачем

Если День Победы был высшей точкой, апофеозом становления советской цивилизации, то ее завершением по праву следует считать 19 августа 1991 года – день политической судороги, известной под псевдонимом «ГКЧП».

Члены ГКЧП – Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (даже само название его представляет собой грамматическую нелепицу: так просто не говорят и не пишут по–русски, даже на канцелярите) – называют свою авантюру попыткой спасти Советский Союз от подписания нелегитимных документов и от развала великой страны. Однако в 1991 году избежать катастрофы было уже нельзя: система управления полностью сгнила, и союзные власти утратили всякий кредит доверия, доказав советскому народу свою неадекватность и беспомощность.

Обычные, нормальные люди устали от маразма и лжи власти примерно так же, как и сейчас, – просто власть тогда была намного гуманнее сегодняшней и поэтому, соответственно, в краткосрочном плане более слабой.

Точка невозврата, как представляется, была пройдена во второй половине 1986 года, когда были окончательно приняты решения, за считанные месяцы уничтожившие экономический организм Советского Союза. Это Закон о предприятии и некоторые другие, которые позволили массово перекачивать ресурсы из государственного сектора с фиксированными ценами в частный сектор со свободными ценами, затем при помощи товарно–сырьевых бирж объединять их в крупные партии и при помощи либерализации внешнеэкономической деятельности выкидывать их на экспорт.

Этот механизм, грубо говоря, разорвал артерии советской экономики и обусловил ее крах.

Одновременно с этим, насколько можно судить, спецслужбы стали усиленно развивать национально-демократические движения – сначала в Закавказье, а потом уже во всех республиках. Именно поэтому крах экономики привел и к разрыву нашей страны на различные республики.

Конечно, формально главная цель спецслужб заключалась в сохранении Советского Союза, его силы и своей силы как части силы советского общества. Но не секрет, что истинные цели людей – и даже целых структур – весьма часто существенно отличаются от официальных деклараций. Если гражданин России, скажем, почитает про свои права в действующей Конституции своей страны, он, скорее всего, найдет там много интересных прав, не имеющих никакого отношения к тем, которыми он на самом деле обладает *в повседневной жизни*.

Факты совершенно однозначны: в большинстве союзных республик – проще говоря, во всех без исключения, по которым есть достоверная информация, – национально-демократические движения, очень легко ставшие сепаратистскими, развивались на рубеже восьмидесятых и девяностых годов не просто при попустительстве, а при прямой поддержке и даже при руководстве со стороны местных спецслужб.

Весьма правдоподобное предположение заключается в том, что столь масштабная неафишируемая и, безусловно, разрушительная деятельность советских спецслужб представляла собой реализацию некоего давнего плана еще андроповских времен, по которому КГБ, как некоррупцированная по сравнению с партией структура, хотела «качнуть ситуацию», обнажив беспомощность и неэффективность разложившегося к тому времени руководства КПСС.

В результате ограниченной дестабилизации страны руководство КГБ предполагало, вероятно, само прийти к власти – под прикрытием тех или иных демократических процедур.

Примером могла служить Турция, которой долгое время реально, насколько можно судить, управлял Генштаб. Так что всякий раз, когда демократы заигрывались в свои игры, создавая угрозу прорыва исламистов к власти, – примерно раз в десять лет – происходил военный переворот, и все возвращалось на круги своя.

Возможно, предполагалось нечто подобное, а потом Андропов умер, а план продолжал реализовываться по инерции, с утратой исполнителями понимания смысла их действий. В результате управление процессами было перехвачено нашими стратегическими конкурентами, и развитие общества вышло из-под контроля.

Такое бывает с долгосрочными спецоперациями.

Что касается самой возможности попытки отодвинуть ЦК КПСС от власти – не будем забывать, что вполне серьезные попытки вернуться, как говорилось в Советском Союзе, «к ленинским нормам управления», то есть забрать власть у партии и отдать ее Совету Министров, предпринимались аж до начала семидесятых годов. Тогда пришлось даже пленум ЦК КПСС переносить на полгода, чтобы не допустить утраты власти Коммунистической партией!

Это была реальная ожесточенная подковерная борьба, со своими жертвами и своими героями. И то, что о ней не написаны мемуары, – а может быть, и написаны, но просто малоизвестны, – как и то, что об этом не написано в учебниках истории, не означает, что ее не было вовсе.

Стремление отобрать власть у идеологических структур, которые неумолимо и наглядно утрачивали связь с реальностью, и передать ее тем, кто реально делал то или иное содержательное дело, было достаточно серьезным течением внутри советского государственного организма. И, возможно, извращенным проявлением этого стремления стало поощрение спецслужбами национально-демократических движений.

Помимо этого поощрения, в 1987 году и в экономике, и в политике были проведены реформы, исправить которые потом уже было нельзя. После этого вопрос был лишь в конкретном виде, масштабе и сроке агонии – хотя тогда мы, конечно, этого не понимали.

Напомню, что, согласно тогдашним исследованиям, в результате либеральных экономических реформ 1987 года потребительский рынок Советского Союза был разрушен уже к ноябрю, за десять месяцев. Страну окончательно посадили на карточки. В 1989 году это было отлито в классическом:

*По талонам горькая,
По талонам сладкое —
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою!*

Но это уже было результатом реформ – народным разочарованием. А вот точка невозврата была пройдена задолго до этого: в конце 1986 года.

* * *

В 1991 году, если бы в стране сохранились нормальные, эффективные силовые структуры, распад еще можно было бы остановить, развернув движение общества в другую сторону. Однако беда в том, что гниение затронуло все части государственного организма, в том числе и силовые структуры: разворачивать великое общество к здравому смыслу было уже просто некому.

Возьмем самое простое: думаю, тогда у нас еще были учебные заведения, в которых грамотно преподавались процедуры перехвата власти, скажем так, не совсем легитимным путем. По крайней мере, наши специалисты это делали в некоторых странах мира – намного реже американцев, но все-таки иногда делали.

И то, как осуществлялся ГКЧП, когда утром путча все демократы еще оставались на свободе и даже вели какую-то деятельность, для этих специалистов было даже не недоразумением, а смесью безумия и провокации.

Можно понять этих сотрудников КГБ, которые посмотрели на этот бред и объявили нейтралитет – просто потому, что профессионал не может участвовать в непрофессиональных действиях. Просто потому, что у него есть чувство профессионального достоинства...

Ну и, конечно, главный вопрос: что произошло 19 августа, в чем состоял путч?

Насколько я могу судить¹³, происходило примерно следующее: Михаил Сергеевич Горбачев осознал наконец, когда было уже совсем поздно, что курс, которым он вел страну, ведет к ее развалу. К нему пришла группа серьезных людей, которые потом возглавили ГКЧП, и ее представители сказали: «Михаил Сергеевич, это же катастрофа, надо что-то делать, давайте же восстановим порядок».

А поскольку сам ни в какой порядок уже не верил, он им ответил: «Хорошо, ребята, я сейчас уезжаю в отпуск, а вы без меня творите, что хотите. Получится – я с удовольствием приму еще один лавровый венок за ваши успехи. Не получится – пеняйте на себя: я буду ни при чем».

Это объясняет как чрезвычайно странный «арест» Горбачева в Форосе и откровенно нелепые рассказы об этом его сторонников, так и то, как бросились к нему гэкачеписты жаловаться на Ельцина. И это объясняет их собственную не то что нерасторопность, а откровенную некомпетентность.

Можно понять, что люди не привыкли участвовать в публичных мероприятиях, у них дрожали руки... Но ситуация, когда руководители ГКЧП – а это запротоколировано, – уже после путча начали выяснять, какие у них есть ресурсы, не лезет ни в какие ворота и не объясняется никаким разложением системы госуправления. Путчисты, занимая ключевые посты государственного управления, не подумали о ресурсах заранее? Взяв власть, они объявили свою программу – кстати, очень толковую, по ней, в частности, приусадебные участки расширялись от 6 до 10 соток, что было очень серьезно в тогдашнем Советском Союзе, но лишь потом стали думать, какие у них есть для ее выполнения ресурсы!

И вот встают хозяйственные руководители, которых они к себе вызывали, и говорят: а ресурсов-то у нас и нет. Дошло до того, что просто фиксировалось: нет продовольственных запасов, нет золотовалютных резервов, нет средств для дотирования промышленности, чтобы снизить цены, которые были ощутимо повышены еще в марте 1991 года. От безысходности руководство ГКЧП обратилось к Министру обороны Язову с просьбой распечатать военные запасы. И маршал Язов, один из них, ответил, что стране военных запасов хватит на один день.

И опять-таки, само по себе это не страшно.

История пестрит случаями, когда люди, захватывая власть, оказывались у разбитого корыта – и потом только за счет воли к власти, энергии, личных способностей без всяких ресурсов склеивали это корыто и из ничего создавали власть и функционирующее государство.

В самом деле: что было у Наполеона, когда он сбежал с Эльбы и высадился во Франции? Не очень новый мундир и кучка сочувствующих. И он вновь, второй раз взял власть

¹³ В описываемое время как сотрудник Группы экспертов Б. Н. Ельцина автор имел возможность наблюдать внутреннюю жизнь и различные перипетии борьбы российского и союзного госаппаратов.

почти над всей Францией и боролся до тех пор, пока в ней почти не осталось мужчин, способных носить оружие!

Другой классический пример – большевики. У них тоже не было ничего, у них не было государственности, не то что исполнительских структур, и не было даже представления о том, что такое государство!

Но они справились. Почему? – Потому что они сами добивались власти и обладали волей к ней, способной переломить если и не все, то, во всяком случае, очень многие неблагоприятные обстоятельства.

А вот гэкачеписты были людьми, которые оказались у власти случайно и бороться за нее по-настоящему готовы не были. Они не знали, зачем им эта власть, и не знали, что с ней делать.

Представьте себе: идете вы мимо дома, а он горит. И вы сетуете: ой, нехорошо как, надо бы потушить... А вам каску на голову – раз! Ранец на плечи – два! Шланг в руки – три! Респиратор в зубы – четыре! – и вперед, тушите!

Вот члены ГКЧП примерно как подобные «случайно мобилизованные» и выглядели.

Современные либералы склонны утверждать, что КГБ была насквозь пронизана номенклатурщиной, в результате чего ее руководство оказалось не в состоянии принять решение самостоятельно и было просто парализовано.

Однако это объяснение происходившего носит весьма неточный характер.

Ведь, безусловно, основная масса сотрудников спецслужб является исполнителями: это предопределено самим характером их деятельности. Им ставят задачу, и они ее выполняют, в том числе и творчески, в рамках установленных правил; сами же себе задачу они ставить не могут и не должны, ибо это создает реальную опасность государственного переворота.

Однако значительный пласт сотрудников спецслужб все же принимал решения профессионально. Да, они оказались парализованы, но не потому, что не были способны к самостоятельному принятию решения, хотя советская система образования и в целом культура действительно не способствовали умениям принимать решения. Причины пассивности спецслужб, помимо шока от непрофессионализма своего руководства, представляются сегодня совершенно иными.

Прежде всего, как это ни смешно звучит после 20 лет демократических реформ, сотрудники советских спецслужб действительно привыкли служить народу. Сегодня для их преемников это едва ли не пустые слова, но тогда у этих слов было реальное и массовое содержание. Офицеры специальных структур служили партии и начальству не только по привычке и ради престижа, званий, денег и квартиры, но и потому, что партия и начальство, с их точки зрения, выступали от имени народа и в определенном смысле были для них олицетворением его интересов.

И, когда эти сотрудники спецслужб увидели, что их руководство выступает против народа, они оказались парализованы: как офицеры, они не могли выступать против командиров, как граждане – против народа.

Это произошло не потому, что они не умели принимать решения, а потому, что разные олицетворения, символы, формы выражения Родины, которой они служили, вступили в конфликт друг с другом. Так ребенок, любящий обоих родителей, цепенеет при их ссоре и может даже впасть в кататонию.

При этом все понимали, что Верховного главнокомандующего нет, он в Форосе, а ведь в конечном-то счете офицеры подчиняются именно Верховному главнокомандующему, а не генералу Пупкину.

Горбачева к тому времени уже не то что «не любили» – его почти открыто презирали, но правосознание в Советском Союзе было высоким, и никакие самозванцы, пусть даже в

виде ГКЧП, которые непонятно зачем пришли и непонятно почему начали командовать, на массовую активную поддержку рассчитывать не могли.

Кроме того, у сотрудников спецслужб в руках были, в конечном итоге, технологии убийства, к использованию которых они привыкли относиться весьма ответственно.

Вторая причина пассивности силовых структур заключается в том, что к моменту провозглашения ГКЧП почти всех представителей армии и спецслужб многократно «подставляли». В конце 1980-х – начале 1990-х годов и спецслужбы, и армия вовлекались в значительное количество разного рода конфликтов, и часто бывало так, что после выполнения ими того или иного приказа их обвиняли во всех смертных грехах и делали «крайними». И люди, отдававшие этот приказ, от него отрекались и не защищали, не прикрывали исполнителей.

В результате офицеры откровенно боялись выполнять приказы своего начальства, просто чтобы их не подставили, и каждый раз думали своим умом.

Даже высшее военное руководство, как выяснилось, вело интенсивные консультации не только с гэкачепистами, которым оно якобы подчинялось, но и с демократами. Масштабы этих последних консультаций, конечно, потом, после победы демократов, были сильно преувеличены, но вот классический пример «итальянской забастовки» военных: батальон генерала Лебеда, которому был дан приказ навести порядок на площади перед Белым домом.

А генерал Лебедь тогда был тем самым человеком, который в 1990 году, после сумгаитской резни, вводил танки в Баку.

Отдавшие эту команду подразумевали, что Лебедь должен, грубо говоря, зачистить площадь. По крайней мере, всех напугать, а в случае чего его можно будет «сдать».

Лебедь это прекрасно понимал – и совсем-совсем не хотел быть «крайним».

И он привел свой батальон и обнаружил на площади перед Белым домом полное отсутствие беспорядков. Да, люди стоят на проезжей площади, но все достаточно организовано, хулиганства нет, бесчинств тоже. И он объяснил честно: у меня приказ навести порядок, и, поскольку порядок в настоящее время – это вы, я с вами. При этом он не выходил из подчинения союзной власти – он просто выполнял полученный приказ дословно. И, когда ему поступил приказ удалиться, он торжественно, с развернутыми флагами, удалился.

А людей, способных отдать «горячий» приказ, который потенциально мог оказаться преступным, в письменном виде, в союзном руководстве уже не имелось.

И наконец, третье. Думаю, что ГКЧП планировали профессионалы, но на каком-то этапе они были отстранены от работы, и как планирование, так и осуществление операции из-за внутренней конкуренции было передано людям типа господина Грачева.

Этого министра обороны России прозвали хотя и не Табуреткиным, но Пашей-Мерседесом. Именно этот министр обороны России говорил, что Грозный 1 января 1995 года можно взять силами двух десантных полков. И это действительно было так – с маленькой поправкой: полками нужно было управлять.

При грамотном командовании взять Грозный тогда можно было и меньшими силами, но только вот грамотного командования уже не существовало. А если войсками не управлять, то взять ими нельзя ничего.

И при разработке ГКЧП, насколько можно судить, в какой-то момент произошел перехват управления, которое перешло к людям такого сорта. И они провалили все, как проваливали все, к чему прикасались, и до, и после ГКЧП.

* * *

ГКЧП был последней судорогой умиравшей советской номенклатуры, а предпоследняя судорога произошла 15 июня 1991 года, когда премьер Павлов подписал постановление Кабинета министров Советского Союза, по сути дела, о восстановлении централизованно-планируемой системы.

Не то что дееспособной союзной власти – страны уже, по сути дела, не было, а борьба все еще велась. Так что когда мы сейчас говорим про оттепель и демократизацию, то должны всегда помнить, что эти движения отнюдь не были однозначными и однонаправленными – это была борьба.

Точно так же, как сейчас, общее облегчение ситуации сопровождается откатами в виде предоставления безумных прав ФСБ и законопроекта «О полиции». **Оттепель – это предоставление не прав, а всего лишь возможности бороться за них.** И советские люди участвовали в этой борьбе.

ГКЧП полностью дискредитировал себя практически сразу, и поддерживать его тогда было практически невозможно.

Знаю немало людей, которые в дни путча приезжали в Москву из других городов поддерживать демократов, но практически никого, кто поехал бы поддерживать ГКЧП.

Прекрасно помню, как взрослые, серьезные, много повидавшие мужики в регионах, когда стало ясно, что путч захлебнулся, сидели и просто плакали перед телевизорами, плакали от счастья, потому что понимали, что их пожизненный страх кончился и теперь они сами могут творить свою судьбу. Никогда бы не думал, что эти люди вообще могут плакать.

После краха ГКЧП наше общество вдохновилось колоссальными надеждами.

Но эти святые надежды были безжалостно обмануты и растоптаны не только беспомощностью и прекрасодушием, но и корыстью демократов и их пособников.

Разные люди поняли это в разные сроки. Некоторые – уже 31 августа 1991 года: я в этот день разговаривал со своим однокурсником, который совершенно не занимался политикой, но очень искренне поддерживал Ельцина. В последний день августа я шел с работы из Белого дома. Мы случайно столкнулись около Горбатого моста на Пресне, и он мне сказал: все, ребята-демократы, вы заведете страну в худший тупик, чем эти коммуняки. Мой ровесник, без богатого личного опыта, понял все меньше чем за десять дней. А некоторые не поняли ничего до сих пор.

Мы видим: жизнь в Советском Союзе практически по всем параметрам, за исключением идеологического диктата, для основной массы населения была значительно лучше, чем в сегодняшней России. Достаточно вспомнить данные социологических опросов, например «Левада-центра», по которым уровень потребления «среднего класса» (наличие денег для покупки простой бытовой техники) характерен сегодня лишь для 16 % населения, а основная часть общества тратит на еду более половины своих расходов, то есть, по международным стандартам, является бедной. И это при том, что сфера платных услуг неизмеримо расширилась по сравнению с советскими временами, а уровень личной безопасности резко понизился.

Те же, кто находится сегодня в зоне «промывания мозгов», сейчас живут хуже тогдашнего и по этому параметру тоже.

В нашей стране воспроизведен поздний советский механизм в худшем его виде – от однопартийной системы с политическими репрессиями до демонстративной маразматичности руководства. Почти все плохое заботливо восстановлено, иногда еще и с перехлестом.

Посмотрите на дополнительные права, дарованные президентом ФСБ, МВД и Следственному комитету, – у вас волосы встанут дыбом.

Устранено и последовательно уничтожается то, что в Советском Союзе было хорошего, – социальная защищенность, личная безопасность, большое количество возможностей, «социальные лифты». Ведь молодой человек в СССР мог уйти в личную жизнь, мог развиваться по специальности, мог расти по официальной общественной деятельности или заниматься диссидентством. Было много разных возможностей; в конце концов, после 1977 года можно было еще по еврейской линии рвануть за границу.

А сейчас «социальных лифтов» практически не стало. За границу можно выехать свободно – только денег нет и не будет.

Да, в моей семье все значительно лучше, чем могло бы быть при СССР. В Союзе я был бы сейчас старшим или обычным научным сотрудником, кандидатом наук, мучительно делал бы докторскую. Думаю, что семья у меня была бы, правда, детей было бы больше, чем сейчас: не пришлось бы несколько лет работать по 14 часов в сутки практически без выходных, да и работающая массовая медицина помогла бы поддержать здоровье. Но в любом случае уровень потребления у меня был бы ниже, хотя уровень безопасности, социальной защищенности и уверенности в завтрашнем дне – неизмеримо выше.

Однако я – москвич, попавший в очень узкий слой людей, до 15 %, которые действительно улучшили свои условия жизни и свои возможности. А если брать по России в целом, картина очень печальная. Например, средняя российская семья имеет менее 1,5 детей, а хочет иметь 2,5 ребенка. Разница между тем, что есть, и тем, что хочется, – это в чистом виде социальные последствия уничтожения страны.

На 70 % это нищета в сочетании с потребительской ориентацией, а на 30 % или несколько меньше – медицинские показатели, которые тоже вызваны нищетой и уничтожением системы здравоохранения.

При этом советская экономика отнюдь не была слаба.

Мы до сих пор ездим по дорогам, работаем на заводах, ходим в больницы, посылает детей в школы, построенные Советским Союзом. Нам внушают, что мы жили за счет нефти, – но и зависимость от нефти была на порядок ниже, чем сейчас.

Хотя 60-е и 80-е годы, даже начало 70-х и начало 80-х, – это, по сути дела, две разные страны: перелом произошел, по-видимому, в первой половине семидесятых (хотя некоторые критерии – например, принудительное участие студентов в стройотрядах и неспособность быстро погасить продовольственный кризис – указывают на 1970 год), и во второй половине 70-х гниение системы вышло на поверхность и стало для мыслящей части общества неоспоримым.

Тем не менее Советский Союз до самого конца был второй страной мира по общему развитию, а по масштабам, по эффективности (с точки зрения общества, а не отдельной фирмы), по многим технологическим направлениям он был первой страной. И многие советские технологические решения американцы до сих пор, имея и специалистов, которых они у нас забрали, и всю документацию, не могут повторить, хотя пытаются.

После развала Советского Союза прогрессируют преступность, порноиндустрия, наркоторговля. По коррупции мы выходим на лидирующие позиции в мире...

Действительные успехи достигнуты только в сфере информационных технологий: здесь все хорошо, потому что государство в них долго не влезало. Но сейчас бюрократия начинает использовать их как новую сферу «откатов», когда простенькие интернет-сайты делают за миллионы долларов. Это чревато разложением целой отрасли, пока еще развитой в нашей стране.

Советские руководители отличались от нынешних добросовестностью и четким пониманием того, что народ нельзя обижать слишком сильно: тогда он может устроить Великий

Октябрь. Это качественное, принципиальное отличие, так как многие нынешние наши руководители больше напоминают желающих убивать, как при расстреле Белого дома, и грабить, как во время немецкой оккупации, когда даже чернозем вывозили в Европу.

Как только российский народ оздоровит государство и вновь сделает его инструментом своего исторического творчества, с наших глаз спадет пелена, и мы сможем нормально воспринимать свою историю, потому что восстановим в обществе массовые представления о справедливости, честности и порядочности. Но до моральной революции, которая, в свою очередь, будет результатом оздоровления государства, мы будем вечно блуждать даже не в трех соснах, а вокруг одной-единственной даты, с которой и началась новейшая история России, – вокруг 19 августа 1991 года.

Правда, по меньшей мере равнозначным этому событию в истории двадцатилетия национального предательства следует признать расстрел Белого дома в 1993 году.

Расстрел Белого дома: конец демократии

4 октября 1993 года четырьмя танками был расстрелян Дом Советов. Для некоторых это до сих пор торжество демократии, но для большинства россиян это трагический день, черный день в новейшей истории России, который имел очень жесткие и очень внятные, ощутимые нами всеми и сейчас, в основном негативные последствия.

Причин этого события было три.

Прежде всего, формальная: действительно, советская Конституция РСФСР, по которой пыталась жить страна с 1978 года, устанавливала власть Верховного Совета. Власть Верховного Совета в советской Конституции балансировалась статьей о руководящей роли партии. Когда знаменитую шестую статью убрали – питерские юристы были тогда уже очень сильны и эффективны – совершенно неожиданно для них оказалось, что власть в стране разбалансирована, то есть с формальной точки зрения она вся упала в руки, грубо говоря, парламенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.